

A photograph featuring two identical women with long, dark, wavy hair, wearing red off-the-shoulder dresses. They are positioned side-by-side, looking directly at the camera with a serious expression. The background is a soft, out-of-focus interior setting.

ИРИНА ПЕРОВСКАЯ

Я ИЛИ ОНА ?

Ирина Перовская

Я или она?

<https://litres.ru/73390633>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ого, ее картины могут оживать! Об этом Яна, яркая девушка с уникальным даром, узнала совершенно неожиданно, попав под влияние опытного манипулятора Фила. Нет, ее не увезли насильно – она сама шагнула к нему. А он, влюбившись, превращает ее в покорную Аню, используя для достижения своих целей, даже пытается убить ее. От шока она теряет память и, забыв о прошлом, находит любовь в семье Паши. Фил не оставляет попытки разыскать и вернуть Яну. Лишь когда воспоминания возвращаются к ней, всё меняется.

Замечали ли вы, как реальное может переплетаться с мистическим и нереальным? В этом узоре есть место любви и магии – куда же без нее! Магия, как дар и проклятие.

Вы по-прежнему считаете, что в нашем многогранном мире нет места чудесам и загадкам? Но где находится та самая грань, после которой сам себе задаешь вопрос «А почему бы и нет?»

И как быть с любовью? Можно ли считать ее подарком судьбы? Или любовь тоже из области нереального?

Если хотите узнать ответы, то вам сюда, в эту историю!

Содержание

Часть 1. Яна	7
Яна – как всё началось	7
Вечеринка в кафе	28
Тот же вечер – Яна в гостях у Фила	43
Размышления Фила за месяц до встречи с Яной	58
Воспоминания Яны: она и ее подруги	71
Тот девичник и рисунок на зеркале	89
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Ирина Перовская

Я или она?

– От любви умирают! – молоденькая актриса выдала это с таким надрывом, будто ее только что не просто бросили, а еще и ведро воды вылили на голову на прощание. Она изо всех сил старалась быть убедительной, даже глаза закатывала, но Яна, услышав эту театральную наигранность, лишь скептически хмыкнула, а потом и вовсе фыркнула:

– Да ты что, серьезно?! Разве от любви умирают? Ага, как же!

Тяжело вздохнув, она с треском выключила телевизор. Хотелось крикнуть «Не верю», так, чтоб стены затряслись, как Станиславский на премьере. Но Яна вовремя прикусила язык – кто она такая, чтобы подражать мастеру! Да и зачем, если ее собственное «Не верю!» звучало куда искреннее наигранных слез.

Возмущению Яны не было предела. Она была абсолютно убеждена: от любви не умирают. Это вам не грипп какой-нибудь, чтобы с температурой лежать. Откуда в ней такая железобетонная уверенность? Ну, во-первых, из собственного опыта, который, правда, пока больше напоминал пустыню Сахара, чем цветущий оазис любви. А во-вторых, из наблюдений за чужими, до приторности счастливыми лицами в соцсетях, где все улыбаются так, словно нашли миллион.

А вот от чего действительно можно «сойти с ума» и начать грызть подушки, считала она, так это от отсутствия любви. И, конечно, от одиночества.

Считаете ее глупой? Смеётесь и не верите? Напрасно. Одиночество – это реально страшно. Это как когда открываешь холодильник, а там только свет лампочки и эхо пустоты, которое шепчет: «Ты одна...»

«Люди умирают от одиночества...» – пела Людмила Гурченко. Вот ей-то Яна сразу поверила, когда впервые услышала эту песню. Это было как откровение, как удар под дых. С тех пор у нее появилась странная фобия: она боялась остаться одна. Ей всего двадцать девять, а страх одиночества уже успел пустить корни, как сорняк на заброшенном огороде. Вы думаете, Яна опустила руки? Как бы не так! Она упорно продолжала бороться за свое счастье и верила, что однажды ей обязательно повезет! Может, даже встретится с тем самым принцем на белом коне, который, как всегда, застрял в пробке!

Скажите, а вам когда-нибудь везло? Нет, я не об удачной покупке пары носков на распродаже или сторублевом выигрыше в лотерею «Русское лото» – это просто удача, как в случае с последним кусочком пиццы на вечеринке, доставшемся вам. Я говорю о том везении, которое нам дарит сама судьба, подмигивая и шепча: «Держи, это тебе!».

Задумались? Хмурите лоб, вспоминая? Или считаете, сколько раз удача улыбалась вам? Не напрягайте память! Ес-

ли не вспомнили сразу, значит, такого везения пока не было. Ну или оно было таким незаметным, что вы его проспали.

Но ведь всё может измениться! И в вашей жизни вдруг произойдет нечто невероятное и удивительное, и вы воскликните: «Повезло!»

Можете называть это подарком вселенной, божьим промыслом, чудом, волшебством или мистикой – как больше нравится! Главное, не потерять голову от свалившегося счастья и не стать зависимым от него, как от шоколада, желая еще большего. А стать...

Но давайте по порядку: ведь у нас впереди целая история!

Часть 1. Яна

Яна – как всё началось

С чего же всё началось?

С ее дня рождения? Нет, не с него.

Пожалуй, всё началось с ее картин. Хотя нет, и это не совсем так. А с чего тогда?

Может быть, с красного платья и вечеринки, на которую ее и Гошу пригласили?

Да, так будет точнее.

Когда Яне стукнуло двадцать девять, она, как водится, закатила такой шумный и веселый день рождения, что стены, кажется, до сих пор помнят этот карнавальный балаган! Квартира превратилась в филиал «сумасшедшего дома» – музыка, смех, цветы, гирлянды, мигающие огоньки и воздушные шары с надписями, которые, похоже, были придуманы в состоянии легкого, но очень вдохновенного помешательства. «Рожденный тратить копить не может», «Я не стерва, это просто нервы» и «Не женское это дело – молчать!» – и это, заметьте, были еще самые приличные!

Что тут скажешь, их компания – это вам не хухры-мухры, а настоящие виртуозы остроумия и креатива, этикие профессора по части веселья.

– Сегодня мне 29! – весело воскликнула Яна, когда шампанское уже успело сыграть свою роль, кулинарные шедевры – аранчини, мини-бейглы, канapé и тарталетки – с восторгом оценены по достоинству, а друзья требовали «продолжения банкета». – Последний раз, когда я могу сказать, что мне «почти 30»!

– Да брось, подруга, – подхватили девчонки. – В тридцать жизнь только набирает обороты, как ракета перед стартом!

– Ага, а в сорок начинается другая, новая жизнь, но с более удобными тапочками! – хохотал Сашка, многозначительно подмигивая, как будто владел всеми секретами счастья.

Вечер обещал быть незабываемым, и никто не собирался упускать шанс окунуться в этот океан веселья с головой!

– С днем рождения! – хор голосов грянул так мощно, что Ленка, внося поднос с коктейлями, чуть не устроила шоу летающих бокалов. А Родька, молниеносно схватив один из них, тут же воскликнул:

– За Яну! За ее 29 лет, полных приключений! И за все те ошибки, которые она еще даже не успела совершить!

– Ой, ошибки! – смеялась Яна, отмахиваясь. – Подумаешь! Давайте лучше за дружбу, и чтобы в тридцать мы были такими же весёлыми, но с меньшим количеством синяков.

– А теперь – танцевать! – подхватила Катюха, включая колонку на полную громкость и призывно хлопая в ладоши.

– Янка, давай, жги! – требовали парни, когда именинница, войдя в раж, сбросила свои шпильки, словно оковы (про-

щайте, мучения!), и пустилась в пляс босиком.

– Смотрите, как я могу. Это танец свободы! Танец отрыва «Бомбалей-о-о»! – сквозь смех кричала она, зажигательно двигаясь в ритме.

– Ура! Свобода от каблучков и всех забот! – поддержал ее Сашка, присоединяясь к танцу и размахивая руками, как ветряная мельница.

Волна радости и этой самой пьянящей свободы захватила всех. Праздник начался так ярко и заразительно, что даже соседи, улыбаясь и вспоминая собственную молодость, задумались: а не пора ли и им устроить нечто подобное?!

Да что там говорить, было весело! И, возможно, даже слишком весело, но кто, скажите на милость, измеряет градус радости, когда веселье в разгаре!

Конечно же, в этот день Яна получила и гору подарков, и обязательный именинный торт с двадцатью девятью свечами, и массу восторженных поздравлений. Всё в тот день шло прекрасно: и желание она загадала, и свечи задула в один момент, с верой в то, что всё непременно сбудется, и настроение от этого было отличным, но вот утром...

Проснувшись одна в своей квартире, Яна почувствовала странное беспокойство и вдруг... Накатила грусть. Этот ее новый возраст отчего-то вызвал противоречивые чувства. И Яна впервые задумалась о своем будущем. С одной стороны, ну как же не радоваться? Ей еще нет и тридцати, она свободна, молода и привлекательна! С другой – ее ужасно пуга-

ла мысль: «Блин, блин, блин! Мне скоро тридцать, а я всё еще не определилась в жизни. И по-прежнему одна. Почему так?»

В голове Яны вдруг завелся целый рой каких-то странных, совершенно незваных мыслей. Откуда они взялись? Да кто ж их знает. Уже и кофе был сварен, и завтрак для себя любимой ждал на столе, и на работу – ни ногой, ведь сегодня законный выходной, самое время продолжить праздник. Но нет же! Вместо этого она неизвестно отчего вдруг погрузилась в уныние и бесцельно слонялась по квартире в одной лишь своей любимой коротенькой пижамке.

«Вот если бы мои подружки увидели меня сейчас, – усмехнулась она, глядя на свое хмурое отражение в зеркале, – они бы, наверное, решили, что я сошла с ума. А парни вообще бы в обморок упали от такого зрелища!» И ведь было чему удивиться: Яну-то все знали как девушку-фейерверк – интересную, стильную и вечно на позитиве. Хотя, если уж быть совсем честной с собой (а с собой ведь можно, правда?!), характер-то у нее был «тот еще»! Да какой там «тот еще»? Взрывной, как пороховая бочка, если говорить откровенно! Но мужчинам-то об этом знать вовсе не обязательно, правда?!

Грустить и унывать Яна не любила – это же так скучно и неэффективно. А вот копаться в себе, размышлять и анализировать – это она обожала! (Не зря же столько детективов и психологических триллеров прочитано, можно применять

знания на практике, пусть и на себе самой!) Вот и сейчас пыталась выудить из глубин своего сознания причину этого внезапного «грустного настроения».

После долгих, почти детективных размышлений, она пришла к гениальному выводу: всё дело в том, что ее личная жизнь – сплошной «недострой». Не удастся ей, видите ли, построить тот самый, крепкий, как скала, и долгий, как сериал, роман с единственным и неповторимым. Вот откуда эта тоска.

Пытаясь быть предельно честной с собой (а это, знаете ли, иногда бывает страшнее, чем поход к стоматологу!), она, стоя перед зеркалом, смело себе в этом призналась. И даже кивнула головой, как бы подтверждая: «Да, Яна, именно так. Тебя чертовски напрягает, что все эти Маши, Даши и Клавы уже давно с кольцами на пальцах и счастливыми мужьями под боком, хотя у них шансов было меньше, чем у тебя».

Призналась и вздохнула: а ведь она и высокая, и стройная, и симпатичная, и самостоятельная, как супергерой... Но почему-то личная жизнь напоминает заброшенный сад. Обидно...

«Это всё временно, – успокаивала она себя. – Нужно подождать, и тогда...». Что именно «тогда», она пока не придумала и решила просто жить, как живется, не забывая голову лишними мыслями. Ну не проклятие же на нее наложено, уладится всё как-нибудь.

Спасаясь от любопытных вопросов, почему она до сих пор

не замужем, Яна в шутку отвечала, что обязательно сбегает к ворожее и снимет этот самый венец безбрачия. Шутить-то шутила, но на самом деле ни к каким гадалкам идти не собиралась, потому как считала себя человеком прогрессивных взглядов и во всю эту чепуху с магией и приворотами не верила. Какие там проклятия и магия? Вы о чем? На дворе двадцать первый век! Искусственный интеллект всюду шагает по планете, а вы про магию! И полагала, что ей просто-напросто не везет. Опять же временно.

Но – случайная встреча с парнем – и вот уже жизнь Яны завертелась, как пластинка на проигрывателе! Их отношения вдруг стали развиваться и продолжаться: месяц, полгода, а впереди уже замаячила первая годовщина их знакомства – вот оно, везение! Яна почувствовала, что оживает: наконец-то и у нее всё налаживается! Пусть и не так, как мечталось, не по сценарию из глянцевого журнала, но всё же! Она не одинока! Грусть и уныние? Да кто о них вспомнит, когда рядом он, Гоша! Жизнь казалась замечательной и удивительной, и столько в ней появилось новых красок и ярких ощущений!

Хотя вот уже почти год, как они – пара, а Яна всё еще чувствовала себя немного детективом, пытающимся разгадать тайну по имени «Гоша». Да уж, повезло... Наедине они бывали редко – этот Гоша словно магнит притягивал к себе толпы знакомых, и Яне чаще приходилось общаться не с ним, а с его приятелями. Да, ее новый парень не просто не любил

одинокчества, он его, кажется, панически боялся! (Куда там Яне с ее наивными девчачьими фобиями до его страхов!) Его стихия – активные развлечения, где адреналин хлещет через край: гонки на выдавших виды мотоциклах или стареньких авто, где каждый поворот – это вызов судьбы. И, конечно, шумные компании. Гоша обожал быть в центре внимания, словно главный герой блокбастера. Забавно, что он даже сменил свое имя на вот такое звучное – Гоша, с гордостью рассказывая, как в юности фанател от актера Гоши Куценко. Хотя, если честно, сходство было примерно такое же, как между ежом и бабочкой.

Её Гоша – светловолосый, стройный и красивый, как бог. Яна влюбилась в него с первого взгляда, и даже эта крошечная разница в возрасте, всего пару лет, казалась ей милой особенностью, а не поводом для насмешек подруг. «Ой, подумаешь, ну и что с того, что он младше? Зато какой!» – отмахивалась она, убеждая себя, что вот он, ее принц на сверкающем (или, скорее, пыльном от гонок) коне. Мечты, мечты...

И соглашалась с тем, что ей повезло. Он легкий и ненавязчивый. Без звонка не появлялся и на ночь в ее квартире оставался редко. Разносолов не требовал, напротив, еду к ужину сам привозил или заказывал через доставку. Свободным временем Яну не ограничивал и личное пространство не нарушал, и в принципе ее это устраивало. Так что, когда она оставалась дома одна, то могла делать всё, что хо-

тела: читать, спать, слушать музыку, танцевать или ходить по квартире голышом.

Поначалу Гошка показался ей очень привлекательным, легким в общении и перспективным, хотя подруги – и Катюха, и Ленчик – обе морщили носики, когда она с восторгом рассказывала им о нем. Гоша почему-то совсем не вызывал у девчонок симпатии (особенно у Ленки), но Яна считала, что всем угодить невозможно, и долгое время видела в нем только хорошее (видимо, нацепила на нос розовые очки и смотрела на парня сквозь них).

Гошка постоянно где-то пропадал, с кем-то тусовался, и Яна тоже не отставала. Она обожала гостей и в дни, свободные от Гоши, чтобы не растерять кулинарных навыков, готовила изысканные угощения и устраивала девичники. В компании подруг она отдыхала душой на полную катушку, смеясь и делясь впечатлениями о своем парне:

– А что, девочки, с Гошенькой вполне комфортно сосуществовать! Он мальчик из хорошей семьи, воспитанный, веселый, общительный, но ненавязчивый.

– Ага, как тот кот, – усмехалась прямолинейная подруга Ленка: – К лотку приучен, спать всегда домой возвращается. Скажи еще, что он ножом с вилкой умеет пользоваться и носки по квартире не разбрасывает, и я буду в восторге от твоего Гоши.

А романтическая Катюха, восторженно закатывая глаза и хлопая длинными ресницами, согласно кивала Яне:

– Ах, он такой красавчик! И богатый!

– Ну да, ну да, его родители не из бедных, – не упускала возможности подколоть ее Ленка. – Всем хорош! Ну а то, что иногда капризничает и требует восхищения, так что тут удивительного! Ведь он же мужчина, вид редкий и исчезающий, чего мы можем ждать от этих экземпляров!

Но Яна на сарказм подруги не реагировала и в полемику не вступала, а лишь отшучивалась. Гошка ей в самом деле нравился. Но за прошедший год ее чувства странным образом изменились, и теперь она уже не была так уверена в этом. Да и сама мечта о нем теперь не выглядела ярким воздушным шариком, а больше походила на мыльный пузырь, который в любой момент мог лопнуть.

Что там скрывать: в начале их знакомства Яна воспринимала Гошу именно как уверенного красивого мужчину, но со временем ее глаза стали видеть парня несколько по-другому. «Тот еще нарцисс, – думала она с грустной иронией. – Да, он обеспечен, ему даже нет необходимости постоянно работать, чтобы заработать на хлеб. Как же, единственный сын богатых родителей! Но... эгоистичен и высокомерен. Он из тех счастливичков, кому всё дается легко: и внешность, и удача, и внимание окружающих. А мне приходится потрудиться над собой, чтобы и выглядеть, и соответствовать миру, в котором живу».

Она старалась не завидовать Гошке, убеждая себя, что нечему завидовать. А к концу первого года их знакомства

думала о нем уже несколько в другом ключе: «Подумаешь! Да он просто самоуверенный богатый красавчик, только и всего. Мажор и бездельник. Привлекает быстро и неукротимо, как фейерверк, и так же быстро теряет интерес к людям. Приятелей тысячи, а друзей нет, что и неудивительно – кто захочет дружить с таким, как он?»

Однако, скорее по привычке, чем по велению сердца, она еще испытывала к Гоше теплые чувства и на что-то надеялась. Или это уже была не любовь, а что-то другое? Может быть, терпение? Яна и сама не могла дать точного ответа.

В течение этого года они почти не ссорились, поскольку Яна старалась быть хорошей и послушной, игнорируя слова Гоши, даже самые обидные. Он называл ее «легко внушаемой», «легко поддающейся влиянию» и «бесхребетной». Но Яна не злилась и даже пыталась бороться со своими отрицательными чертами характера, хотя это было непросто, учитывая ее эмоциональность и вспыльчивость. Правда, терпеливой и покладистой она бывала крайне редко, но каждый раз, когда ей удавалось победить внутренние противоречия, то искренне радовалась своим успехам. Да, когда это было необходимо, она могла проявить терпение – черту, унаследованную от матери, которая всю жизнь терпела пьянство отца Яны.

«Хм, терпение, да кому оно нужно? – обычно рассуждала практичная Яна, которая не считала терпение достоинством. – Ну терпела мама папины выкрутасы, и что в итоге? Где

теперь родители? Нет, терпение – это слабость», – считала она.

Яна своих родителей не понимала, а иногда даже осуждала их отношения. Их семейная жизнь была далека от сказочной, хотя они никогда не расставались и даже умерли в один день. Но Яна же видела, что в их семье мать любила и терпела, а отец, хоть и восхищался своей женой, но всего лишь благосклонно принимал ее любовь. В книгах часто пишут, что в отношениях один любит, а другой позволяет себя любить. Пусть так, но Яна не хотела себе такой жизни и не собиралась повторять маминых ошибок. Уж если у нее и будет семья, то она будет построена на взаимных чувствах и уважении, а любовь и терпение должны быть распределены поровну. В крайнем случае, Яна готова полюбить того мужчину, который будет любить ее.

Поэтому такого качества, как терпение, в ее характере было маловато, к тому же оно скрывалось где-то в глубине души, и Яна доставала его из этих глубин только тогда, когда это было действительно необходимо. Подруги беззлобно шутили о ней: «У Янки просто ангельское терпение, которое недоступно простым смертным!» Но она не обижалась на них и вместе с девчонками смеялась над собой.

Яна, конечно, не была бесхребетной. Ну что за глупости? В ней порой просыпалось такое упорство, что хоть святых выноси, – или упрямство, она часто путала эти понятия, но какая, в сущности, разница? Главное, результат! Она относи-

лась к себе с уважением и считала себя кузнецом своей судьбы, способной не только выковать ее по собственному вкусу, но и, если что, подправить карму, полученную при рождении. К счастью, пока небесная канцелярия не требовала ее вмешательства.

А на сегодня, к своим почти тридцати годам, она достигла всего, что нужно для независимой и, чего уж там, чертовски счастливой жизни.

«У меня стабильный доход, – довольно мурлыкала она, – и я могу называть себя «вполне обеспеченной молодой женщиной» с собственной квартирой и счетом в банке. Это, знаете ли, такой приятный бонус, который позволяет мне не зависеть от мужчин. Ну классно же! К тому же я не то чтобы писаная красавица, но вполне себе симпатичная, высокая и стройная. А мои темные, почти черные глаза смотрят на мир уверенно и слегка снисходительно. И да, я умею и обожаю красиво одеваться, не жалея денег на модные штучки. Все эти слова «у тебя свой неповторимый стиль» – это же бальзам на душу! Приятно быть не такой, как все».

Да, Яна соглашалась с подругами, что она, словно актриса, умеет перевоплощаться, быть разной. Взять хотя бы тягу к экспериментам со своими длинными волосами, цвет которых она постоянно меняла от светлых до темных, удивляя знакомых. Однажды даже выкрасила отдельные пряди в синий и зеленый цвета. А почему бы и не поразить окружающих, пока молодая? В данный момент ее волосы были почти

черные, и многие мужчины бросали на нее заинтересованные взгляды.

«Приятно, черт побери, пробуждать в мужчинах искру интереса! Не каждая женщина обладает такой способностью, а вот я могу!» – хвалила себя Яна. Да что там скрывать, она и сама себе казалась роковой женщиной! И старалась жить легко, не задумываясь о том, что осталось позади или ждет впереди.

После окончания школы Яна не стала продолжать обучение. Зачем? Только время тратить. Хотя многие советовали ей поступать в художественную школу, ведь у нее получались потрясающие картины, которые она могла нарисовать на скорую руку обычной шариковой ручкой или простым карандашом. Правда, рисовала она редко, только в детстве, да и тогда мама часто отбирала у нее краски и отправляла играть на улицу. Мама почему-то не любила, когда Яна брала в руки кисти, и со временем в их доме исчезли и краски, и кисточки. Как ни странно, но в их доме на стенах вообще не висело ни одной картины или детского рисунка Яны. Возможно, поэтому Яна считала работу художника пустой тратой времени. Ведь этим не заработаешь много денег. А художники, которые сидели в парках и скверах, окруженные своими картинами в дешевых рамках, вызывали у Яны жалость. Кому нужны их пейзажи и натюрморты?

То ли дело торговля! Там столько возможностей! Мать против торговли тоже не возражала, и Яна, не задумыва-

ясь об ином, после школы окончила курсы продавцов. Даже некоторое время поработала в Москве, куда уехала после смерти родителей, но, как это часто бывает, столичный блеск оказался не таким уж и притягательным. Подумав, Яна решила вернуться обратно в родные пенаты, где жизнь текла размеренно, как спокойная река.

Пусть ее город и не столица, но он всё же был областным центром – местом, где можно было дышать полной грудью, не задыхаясь от суеты. А если вдруг накатит ностальгия и захочется прогуляться по Красной площади, то пара часов – и ты там, хоть на поезде, хоть на машине. Да, Москва, бесспорно, предлагала больше возможностей, но в своем городе Яна чувствовала себя не просто песчинкой, а настоящей звездой, чье сияние видно всем. В столице же таких, как она, – тысячи, и легко затеряться в этой толпе. К тому же, жить одной в столичном каменном лесу, где каждый второй – незнакомец, было не только непросто, но и, чего греха таить, порой опасно. А здесь – всё знакомо, всё родное, здесь остались друзья и подруги, с которыми можно было смеяться до слез и делиться самыми сокровенными мечтами.

Как же девчонки обрадовались ее возвращению, не передать! И сама Яна почувствовала такой прилив сил, будто действительно прикоснулась к волшебному источнику, который возвращает молодость, энергию и, самое главное, ту самую, забытую любовь к жизни. Обустроившись в новой квартире, купленной взамен родительской, она словно обрела крылья.

В голове появилось множество идей, они роились, как пчелы над лугом. Она даже мечтала, что когда-нибудь откроет свой собственный магазин, но решила не спешить, словно опытный стратег, выжидающий идеального момента. Пока же с успехом покоряла вершины торговли, работая в престижном магазине мужской одежды.

Как мудро подметил О. Генри: «Если вокруг вас роскошь, она принадлежит вам, кто бы за нее ни платил – вы или другие». И Яна с этим была полностью согласна. Красивые вещи – это ее стихия, ее маленькая слабость, ее источник вдохновения. А работать в дорогом бутике оказалось настоящим удовольствием. Неплохие доходы, новые интересные знакомства и, конечно же, постоянное мужское внимание – о чем еще мечтать?! Именно здесь, среди шелков и кашемира, она и встретила его – Гошу. И начались у них такие страстные отношения, как в голливудском фильме, где любовь и драма переплетаются в головокружительном танце. Во всяком случае, тогда ей так казалось.

Вот только сейчас в их отношениях всё как будто на грани, всё так зыбко и неопределенно... И сколько это может продолжаться? Яна всё чаще задавалась таким вопросом, но ответа не находила.

Ей хотелось замуж. Очень хотелось. Чего уж там скрывать. Ведь с каждым днем возраст прибавляется, скоро будет тридцать. И тикают те самые часики, о которых все вокруг только и говорят. Да и, честно говоря, надоело жить одной. Хо-

телось некой определенности, серьезности отношений, даже семьи. Счастливой и дружной семьи, где с радостью ждут с работы, не садятся ужинать друг без друга и всё делают вместе: моют посуду, убирают в доме, делают с детьми уроки, гуляют с собакой по вечерам. Разговаривают обо всем на свете. И, конечно же, любят друг друга. А почему бы и нет?

Лежа в постели, Яна часто мечтала о такой идеальной семье. Засыпая, она погружалась в грезы о счастливом будущем и иногда просыпалась в слезах, возвращаясь к реальности. Это состояние вызывало у нее смешанные чувства. Она не понимала, откуда в ней, такой сильной и решительной, вдруг появляется желание плакать. «Ведь слезы – это признак слабости и неуверенности», – говорила она себе, но не могла справиться с этим противоречием в своей душе. Порой ей казалось, что в ней странным образом уживаются две совершенно разные личности (одна – слабая и глупая маленькая девочка, другая – волевая и умная взрослая женщина), но она отбрасывала эти нелепые мысли и сосредотачивалась на том, что вызывало у нее одинаковый восторг – на желании нравиться мужчинам.

Стоит признать, что за Яной ухаживали многие мужчины, и она купалась в мужском внимании, как в теплом море. Цветы, свидания, комплименты – всё это было привычным фоном в ее жизни, но ни один из этих галантных кавалеров не смог зажечь в ней искорку настоящего интереса. Все они казались ей пресными, как вчерашний хлеб, и предска-

зуемыми, как школьный звонок. Она и сама перед ними не до конца раскрывалась: просто вела себя как искусный кукловод – лишь подыгрывала им, мило улыбаясь и кокетливо подмигивая, но внутри оставаясь неприступной крепостью. Проще говоря, морочила им голову.

Она ждала своего рыцаря, того, кто сможет пробить ее броню. Того, кто бы ей по-настоящему понравился, и вот тогда бы... Но вместо этого, как пишут в книгах, «лишь собирала букеты увядших надежд» и снова легко прощалась с очередным воздыхателем. Этот бесконечный парад поклонников давно превратился для нее в унылый, однообразный калейдоскоп, от которого хотелось выть.

Всё изменилось, когда она встретила Гошу и тут же принялась строить воздушные замки, предвкушая их совместную счастливую жизнь. Вот только, как это часто бывает, реальность оказалась более прозаичной, и радужные планы начали трещать по швам. Почему?

Ответ прост, как дважды два: ее, словно назойливые комары, стали терзать сомнения. И причина была одна, но какая! Она вдруг осознала, что никогда не любила Гошку! Да если бы там была хоть капля настоящей любви, она бы, наверное, боролась за него, подталкивала бы к заветному «да». Но нет. С каждым днем он нравился ей все меньше, а его присутствие вызывало лишь легкое, но нарастающее раздражение. Гоша совершенно не вписывался в ее идеальную картину мира, в мечту о дружной семье, а уж в образе заботли-

вого и ответственного мужа она его вообще не представляла.

Розовые очки сдвинулись, страсть угасла, а ничего нового ей на смену не пришло. Яна даже подумывала о том, чтобы первой разорвать с ним отношения, но всё тянула с решением. Ждала чего-то. Вот если бы он наконец-то предложил выйти за него замуж, то она, вероятно, сразу изменила бы свой настрой, потому что, несмотря на свою дерзкую импульсивность, считала себя девушкой ответственной и на добро старалась отвечать добром. Но он молчал, и ей надоело находиться в роли ожидающей.

А еще она понимала, что, кроме красоты и родительских денег, у ее парня нет ничего стоящего. Книг он не читал. Яне казалось, что его единственными знакомыми буквами были логотипы модных брендов. Театр? Увольте, это же не автосалон! Увлечения? Ну разве что священное поклонение машинам да телефонам. И вообще, какой-то он был... ненадежный, что ли. В чем он видел смысл своей жизни? Рядом с ним ей порой было невыносимо скучно, до зубовного скрежета и зевоты, такой, что челюсть сводило, поскольку даже общих тем для обсуждения не находилось.

Яну, конечно, тоже нельзя было бы назвать такой уж эталонной интеллектуалкой с нимбом над головой, но, по крайней мере, она не путала Левитана с Серовым – уже достижение! И книг самых разных она перечитала уйму – глотала их, как горячие пирожки. В моде разбиралась так, что могла бы сама диктовать тренды, в музыке – не хуже диджея, а

в этикетке – так, что даже королева Елизавета одобрила бы. Спорт? Легко! Путешествия – только позови! Языки? Понемногу осваивала, пыталась даже замахнуться на китайский – ну а что, это же так модно! И дружить умела: для своих девчонок она была ходячим банком доброты, делилась всем, что имела, до последней нитки. Вот только общалась с ними всё реже, потому что всё свободное от работы время проводила с Гошей, как привязанная, потому что он так хотел. Так недолго и самой без друзей остаться, превратиться в одинокий айсберг. Хотя и говорят, что дружба не ржавеет, но то, что ее необходимо периодически «смазывать» общением и регулярно «полировать» встречами и разговорами, в этом она была твердо уверена.

Но сейчас речь не об этом, а о Гоше.

Итак, у этого ее небожителя недавно появился очередной новый знакомый, который пригласил его на ужин в кафе. Гошка позвонил Яне и сообщил, что его приятель собирается сделать предложение своей девушке и хочет, чтобы Гоша был свидетелем такого события. Но попросил, чтобы он пришел не один, вот он и решил взять с собой Яну.

Она абсолютно не удивилась такому приглашению, ведь Гошка с виртуозной легкостью заводил новые знакомства, правда, также легко и быстро расставался с людьми, причем это происходило без обид и претензий с обеих сторон.

Яна никак не могла привыкнуть к тому, что в жизни ее парня постоянно появляются новые люди. А с ней он всё еще

в отношениях? Надо же! И постоянно говорит: «С тобой так весело, Янка!» Хм, весело ему, видите ли. И это всё? На одном веселье семейное счастье не построишь. А как же чувства, ответственность? Неужели она ему так нравится, что он до сих пор не пытается их связь разорвать? Хотя по его странным правилам они уже сто раз могли расстаться, и на ее месте могла оказаться другая девушка. Однако он продолжает приглашать ее в кафе и рестораны, иногда дарит цветы и подарки. Любит ее, что ли? И при этом не предлагает ничего серьезного, например, жить вдвоем. Или уж не говоря о том, что мог бы и замуж позвать. Они ведь целый год вместе, разве это не срок? А он ни разу не заговаривал о будущем. Странно...

Собираясь на званый ужин, она решила, что наконец-то выскажет Гошке всё, что накипело. Хватит молчать! Другим сегодня предложат руку и сердце, а она чем хуже? И если он так и не проявит инициативу, то она расстанется с ним. Да! Сегодня она чувствовала в себе решимость и уверенность в своей правоте. А чтобы подчеркнуть свою готовность к разговору, выбрала новое узкое красное платье. Вы только представьте – красное!

Так вдруг захотелось почувствовать себя Кармен – темпераментной, неотразимой, независимой и страстной. Почему бы и нет?! Она буквально вжилась в роль, как актриса! И весь день напевала глупую песенку, слегка изменив слова: «Это красное платье, для чего ты надела?», радуясь своему

игривому настроению. Она даже сделала прическу в стиле знойной красотки: высоко собрала волосы, уложила их и закрепила на затылке, оставив у шеи несколько длинных волнистых прядей.

И, глядя на свое отражение в зеркале, она беспечно улыбалась. В зеркале та молодая темноволосая девушка с пылающими от предвкушения щеками и огнем возбуждения в глазах выглядела по-новому. И такой она себе очень понравилась.

Да, хороша, чертовка!

Вечеринка в кафе

Вечер в кафе начался довольно весело. Новый Гошин приятель Владимир оказался очень приятным пареньком, рыжим, веснушчатым, смешливым и говорливым. И его подруга Тоня была ему под стать – такая же рыжая, с кудряшками и курносым носом, усыпанным веснушками. Хотя в ней не было ничего особенного и примечательного – ни фигуры, ни дорогой одежды, разве что глаза необычные, зеленого цвета, как у ведьмы, – Яне она очень понравилась! И эта простушка с таким обожанием своими глазищами смотрела на Вовку, а он отвечал ей не менее пылким взглядом, что Яна даже позавидовала их счастью. И мысленно вздохнула от нахлынувших чувств.

Ей стало так обидно: «Ну почему, почему у других так? Вот этой серенькой мышке всё сразу – и любовь, и кольцо, и замуж, а мне, красивой и независимой, ничего...» В мире столько несправедливости. Она бы многое отдала, чтобы кто-то смотрел на нее с восхищением. И также дарил помолочное кольцо. Пусть даже оно будет тоненькое и недорогое, но всё же... Ведь это не просто украшение, это серьезный шаг в будущее.

Она совершенно забыла о том, что свои желания нужно правильно формулировать и не отправлять во Вселенную непродуманные просьбы. Просто внезапно ее охватило

странное чувство, похожее на зависть, которое разъедало душу, как кислота, и в этот момент было не до умных формулировок. Ей стало немного стыдно за свои мысли, но куда же деться от внутренних демонов и противных тараканов в голове? Яна настолько погрузилась в свои размышления и так расстроилась, то ли от жалости к себе, то ли от злости на себя, что на глаза навернулись слезы.

Тем временем кафе наполнялось шелестом шелков и звоном хрусталя. Красиво одетые, веселые люди, словно экзотические птицы, занимали свои места за столиками, и в зале становилось всё оживленнее: слышался звон бокалов, где-то засмеялись над удачной шуткой или тостом, где-то хлопнула пробка, и официант уже наполнял бокалы золотистым шампанским. Вечер обещал быть не просто чудесным, а поистине волшебным, и Яна решила не поддаваться грусти. Она хозяйка своему настроению и пришла сюда, чтобы получить удовольствие. «Так что кыш, всякие злобные тараканы!» – уже весело подумала она и, отбрасывая жалкую зависть, искренне улыбнулась Тоне.

И тут, словно по волшебству, зазвучала песня Криса де Бурга, его бессмертный, пропитанный романтикой хит «Леди в красном». Сердце Яны, вторя музыке, застучало как сумасшедшее. Как же она любила эту песню! Вот оно! Сейчас что-то произойдет, что-то особенное, что перевернет этот вечер и сделает его значимым! На ней ведь сегодня красное платье, символ роковой страсти, а значит, это ее вечер, ее

звездный час! Слёзы мгновенно высохли, и Яна с трепетной надеждой повернулась к Гоше. Вот сейчас... Сейчас он пригласит ее на танец! Ммм... Ведь она – та самая женщина в красном! Да!

Однако... Время шло, песня звучала, а Гоша... Гошка лишь скользнул по ней взглядом, словно она была деталью интерьера, и тут же отвернулся к приятелю, увлеченно обсуждая новую модель смартфона. Выходило, что для него все эти мегапиксели и бездушные куски пластмассы важнее, чем она? От возмущения Яна потеряла дар речи, слова застряли в горле, как кость, а сказать хотелось. Такое сказать, что... «Эх, не наломать бы дров сгоряча», подумала она, до боли закусив губу. Сдерживаясь из последних сил, Яна быстро поднялась и шагнула в сторону от стола.

– Далеко собралась, моя королева? – лениво протянул Гоша, нехотя отрываясь от разговора.

– Носик попудрю, – резко бросила Яна на ходу, придавая голосу стальную нотку, и, с трудом сохраняя невозмутимый вид, вышла из зала, направляясь в сторону спасительной туалетной комнаты.

Но, сделав несколько шагов, остановилась у окна в холле. Опираясь на подоконник, она в задумчивости теребила длинную серебряную цепочку, которая висела у нее на шее. Почему Гошка так равнодушен к ней? Похоже, их расставание – дело решенное. Они оба не испытывают друг к другу сильных чувств, и это, вероятно, объясняет их поведение,

словно они в отношениях не год, а как минимум десять лет. Неужели они так быстро надоели друг другу? И что делать? Уйти сейчас или все-таки остаться и попытаться с ним поговорить?

Настроения не было. Исчезли все желания: ни пить, ни есть больше не хотелось. Видеть Гошу тоже не хотелось. Вечер был испорчен. Даже платье, которое раньше представлялось ей шикарным, теперь казалось дешевкой, не подходящей для такого случая. Разочарование, обида и презрение к Гошке, а также жалость к себе бурлили внутри, грозя выплеснуться наружу. Хотелось ругаться, бить посуду, дать пощечину этому самовлюбленному и противному Гошке – иными словами, вести себя как настоящая Кармен. Вот только остатки разума еще пытались ее как-то сдерживать. Кто бы знал, чего ей это стоило.

Яна закрыла глаза, ее высокие каблуки чуть не подвели, она пошатнулась и, развернувшись, вцепилась в подоконник с такой силой, что костяшки пальцев побелели от напряжения. Внутри нее бушевала обида... Её не любили, ее не ценили... Она была настолько поглощена своими эмоциями, что не сразу заметила, что кто-то стоит рядом и что-то говорит:

– Не стоит отчаиваться, леди, – раздался за спиной уверенный голос.

Что? Она открыла глаза и обернулась.

Перед ней стоял взрослый мужчина. Высокий, худой, в элегантном черном костюме. Мужчина выглядел привлека-

тельно, и его костюм был красивым и явно дорогим, в этом Яна отлично разбиралась (зря, что ли, столько времени работала в бутике мужской одежды!) и сразу же оценила и ткань, и крой, и бренд (сочетание добротности и делового стиля, скорее всего, от Hugo Boss), но... Его одежда казалась неуместной в этот жаркий вечер. «На календаре лето, а он в костюме», – пронеслось у нее в голове.

Мужчина ей кого-то смутно напоминал, вот только кого? Где-то она его видела. Кто он? Уверенный, чуть насмешливый взгляд, гордая осанка, дорогая одежда и обувь. Актер, политик, бизнесмен? Яна не могла сразу сообразить. В Москве таких людей тысячи, но в их городе... Черные, гладко зачесанные назад волосы, пронзительный взгляд, длинный нос и узкие губы – в нем было что-то дьявольское. «Мекфистофель», – пронеслось у нее в голове. «Точно, похож, как в кино!» Но она тут же одернула себя: «И чего только не почудится? Вот еще! Только этого мне не хватало для полного счастья».

Стараясь скрыть своё удивление, она лишь фыркнула в ответ и хотела отвернуться, как вдруг этот странный незнакомец произнес низким голосом:

– Я никогда не видел тебя такой красивой, как сегодня.

Его глаза блеснули, и Яне почудилось, что в этом блеске была какая-то хищная нотка. Но, возможно, это ей просто показалось.

– Издеваетесь? – попыталась возмутиться она.

– Нисколько. Я просто цитирую слова из песни, которая сейчас звучит.

– А... – протянула Яна, не зная, что умного сказать. Она недостаточно хорошо знала английский и никогда не задумывалась, о чем же поется в этой известной песне, которая ей так нравилась. Просто нравилась, волновала и всё. А он, оказывается, знает текст, ну надо же...

– Вам ведь очень хотелось потанцевать, не правда ли? – продолжил незнакомец, пристально глядя на нее своими черными глазами.

Яна стыдливо кивнула.

– И сейчас хотите? – он улыбнулся скупой улыбкой.

– Да, – ответила Яна, находясь словно под гипнозом и не отводя взгляда от черных глаз мужчины.

– Позвольте пригласить вас на этот танец? – вкрадчиво спросил он.

– Да, но... Песня почти закончилась, и вообще... Я здесь не одна...

– Разве это проблема? Легко заставить ее зазвучать для нас снова.

Он сделал акцент на словах «для нас», и Яне почему-то было приятно это слышать.

А незнакомец продолжил тоном человека, который уже всё решил и даже получил согласие:

– Идите к своим друзьям, а я скоро подойду и приглашу вас. Вы же не откажете?

Яна растерянно улыбнулась, покачала головой, но тут же спохватилась, кивнула и, ощущая себя словно во сне, направилась в зал кафе. Там она села за стол, схватила бокал с минералкой и с жадностью осушила его до дна. Гоша в ее сторону даже не повернул головы. А она то краснела, то бледнела, закусывала губу и даже попыталась что-то ему сказать, но удержалась. Сердце бешено колотилось, а кончики пальцев покалывало от напряжения и обиды на него.

«Отлично он себя ведет, ничего не скажешь, — подумала она. — Ладно, злая девочка Яна сейчас тебе покажет, каково это — игнорировать!» И была уверена в своей правоте, и злилась не просто так, потому что нет ничего страшнее отвергнутой женщины, а Яна ощущала себя сейчас именно такой.

Через некоторое время песня стихла и вдруг... зазвучала снова. К их столику, как и было обещано, подошел черноволосый незнакомец. Он учтиво поклонился всем сразу, но обратился конкретно к Гоше:

— Разрешите пригласить вашу спутницу на танец?

Ох, как же Гоша растерялся от такой просьбы! Яна это сразу заметила. Но быстро взял себя в руки. Он ухмыльнулся, мельком взглянул на сжавшуюся на стуле Яну и, с вызовом глядя на мужчину, лениво ответил:

— Она не хочет с тобой танцевать.

Яна готова была взорваться от гнева, она ведь уже почти привстала со стула, собираясь протянуть руку этому мужчине и идти с ним танцевать, и вдруг вот так? А он, оказывает-

ся, собственник. «Моё!» – всем своим видом демонстрировал Гошка. Одумался? А не поздно ли? Ой, что сейчас будет? Она вопросительно взглянула на стоявшего у столика мужчину и замерла от напряжения. Незнакомец с улыбкой кивнул:

– Давайте спросим у дамы. Желание женщины – закон для мужчины, не так ли? – спокойно сказал он, глядя на Яну пронызывающим взглядом.

Яна, сама того не ожидая, решительно встала и тихо произнесла:

– Я согласна.

Она протянула руку незнакомцу, а тот одобрительно сверкнул глазами, крепко взял ее за руку и повёл в ту часть зала, где была видна танцевальная площадка. Свет тут же стал приглушённым, а музыка, наоборот, зазвучала громче, создавая романтическую атмосферу. На танцпол потянулись другие пары, желающие потанцевать, и Яна вдруг перестала беспокоиться о том, что о ней подумают Вовка и Тоня, и как вообще отреагирует на ее выходку Гоша. «Сам виноват, – подумала она, – нужно было первым приглашать, а теперь сиди и завидуй!». И, улыбаясь, повернулась к мужчине. Он ободряюще кивнул, уверенно переместил ее руку себе на грудь, обнял другой рукой, осторожно прижал Яну к себе и медленно повёл в танце.

Яне показалось, что вокруг нее сгустился туман, или что она спит, или что оказалась на необитаемом острове – не

имело значения. Реальность растворилась. Она никого и ничего не замечала вокруг, настолько все ее чувства были сосредоточены только на этом незнакомом мужчине, а ее взгляд был прикован к его глазам.

Ее уже не пугал таинственный блеск его темных глаз, и даже его руки, показавшиеся вначале холодными, теперь стали нестерпимо горячими. Они обжигали ее тело, она это чувствовала даже сквозь платье. А когда его рука скользнула по ее спине и опустилась ниже, Яна перехватила его вопросительный взгляд и замерла от волнения. Внезапно она ощутила, что страха больше нет. С кокетливой улыбкой, смело, с вызовом и одновременно доверительно, она произнесла:

– На мне нет белья!

Мужчина удивлённо изогнул бровь, одобрительно кивнул и развернул Яну так, что она оказалась скрыта от взгляда Гоши, сидящего за соседним столиком. Затем, не отрывая взгляда от ее глаз, он осторожно, словно исследователь, провел рукой по ее спине, от шеи до самых ног, и довольно улыбнулся.

Нежные прикосновения рук этого странного мужчины заставили Яну вздрогнуть. По спине пробежала холодная волна – было ли это желание или страх? Крис де Бург продолжал свою песню, и его голос проникал в самую глубину ее души. Незнакомец, сохраняя полное спокойствие, наклонился к ней и тихо прошептал на ухо:

– Здесь только ты и я. – Он прижимал ее к себе всё теснее.

– Как много людей мечтают быть рядом с тобой...

– Но... – удивленно пролепетала она, пытаясь отстраниться.

– Это всего лишь слова из песни, дорогая, – серьезно сказал он, не отпуская ее и не отводя взгляда.

Яна почувствовала, как проваливается в омут его глаз. Она ощущала себя беспомощной и одновременно невероятно сексуальной и привлекательной. «Как много людей мечтают быть рядом со мной», – эти слова незнакомца звучали в ее голове, словно радостные колокольчики. Тревога и дикий восторг боролись в ее душе, и ей вдруг захотелось тут же бросить всё на свете и последовать за этим мужчиной, куда бы он ни позвал. Это странное, но непреодолимое желание захватило ее. И, словно прочитав ее мысли, мужчина отвел глаза и, почти касаясь губами ее уха, прошептал:

– Терпение, и всё будет так, как ты хочешь.

Песня закончилась, и они остановились, всё еще продолжая обнимать друг друга. Но Яна почувствовала, как волшебство танца понемногу исчезает. Когда незнакомец отстранился, отвел ее к столику и в знак благодарности склонился к ее руке с поцелуем, то чары окончательно рассеялись. С невозмутимым видом мужчина кивнул покрасневшему Гоше, развернулся и ушел, а Яна осталась стоять, растерянно глядя на своего парня.

Она не знала, что ей теперь делать, как себя вести? Придти к столу и сделать вид, что ничего необычного не про-

изошло, или... Она словно очнулась, вынырнула из тумана и вернулась в реальность, подумав: но как же «не произошло»? Еще как произошло! И испугалась от такого понимания.

От Гоши исходил такой поток злости, что Яна буквально ощутила ее кожей. Казалось, он вот-вот превратится в разъярённого быка, готового пустить в ход рога. А еще ей показалось, что он сейчас ее ударит. Она смотрела на его нервно сжимающуюся в кулак руку и понимала, что это неизбежно. И отказывалась верить в то, что это вообще возможно. Да, Гошку нельзя было назвать воплощением ангельской кротости, его можно было сравнить с ежом – колючий снаружи, и не более. Но он никогда не поднимал на нее руку, нет! Он за год даже пальцем ее не тронул! Он мог быть высокомерным, как павлин, и наглым, как уличный кот, но в общении – легким и редко злился. А сейчас перед ней сидел совершенно другой человек, будто его подменили.

«Зверь», – подумала она и даже не попыталась убежать или увернуться. Зачем притворяться невинной овечкой, когда сама же подлила масла в огонь? Своим поведением спровоцировала парня, разбудила в нем это животное. Теперь удивляться нечему. «Получи по заслугам, глупая девочка Яна, будешь знать, как вести себя впредь».

Все эти мысли пронеслись в ее голове за те мгновения, пока Гоша, словно набирая силу для прыжка, поднимался со стула, приближался и замахивался. От ужаса Яна зажмурилась, чтобы не видеть, как сейчас ее ударят. «Никогда рань-

ше мужчина... никогда...», — успела подумать она и втянула голову в плечи.

Затаив дыхание, она ждала, но...

Время шло, однако удара не последовало. Лишь тяжелое дыхание Гоши и какие-то странные звуки, похожие на сопение или кряхтение, доносились до ее ушей. Яна осторожно приоткрыла один глаз, затем второй. Картина была настолько абсурдной, что хотелось рассмеяться, если бы не страх: Гошка застыл в нелепой позе, наклонившись почти до пола, как будто искал потерянную монетку. Его рука была неестественно вывернута вверх, и тот самый черноволосый незнакомец, появившийся из ниоткуда, крепко держал её. Как он успел так быстро вернуться? Словно играючи, он удерживал Гошу без видимых усилий, всего двумя пальцами, но тот корчился от боли, как червяк на крючке. Мужчина же, с легкой, почти насмешливой улыбкой, смотрел на него и говорил медленно, с назиданием:

— Бить женщин позволено только господину. И то только если эта женщина — его рабыня. Но что-то здесь я не вижу ни господ, ни рабов. Вы будете спорить со мной?

Гоша покраснел и попытался вырваться, но молчал. Незнакомец вдруг перестал улыбаться. Он чуть шевельнул пальцами, и Гоша вскрикнул от боли:

— Нет, нет, — прохрипел он.

— Правильно, — кивнул незнакомец. — Теперь попросите прощения у дамы. Дальнейшее решение за ней.

Мужчина резко повернулся и взглянул на Яну. Как же он на нее посмотрел... Девушке показалось, что его взгляд пронзил ее, словно две острые иглы. Ей стало страшно, но одновременно со страхом она почувствовала, что ей жалко Гошку. И очень удивилась этому – ведь она раньше никогда не испытывала к нему жалости.

– Отпустите его, – выдохнула она. – Он не виноват, это я...

– Вот как? – удивился незнакомец, но хватку ослабил, а затем и вовсе отпустил парня.

Гоша выпрямился. Потирая руку и тяжело дыша, он с ненавистью посмотрел на Яну. Сначала ей стало неуютно от его взгляда, а затем в ее голове пронеслось: «Надо же, я, можно сказать, спасла его от унижения, а он ненавидит меня, козлина!» – и бывшее чувство жалости тут же куда-то исчезло. И откуда-то пришло равнодушие к Гоше, даже злиться на него больше не хотелось. И оставаться с ним не было никакого желания. И говорить о чем-то и объясняться. Отчего вдруг так? Или именно так и заканчиваются отношения?

Но развить мысль Яна не успела, потому что незнакомец, склонив голову набок, с любопытством посмотрел сначала на нее, затем на Гошу и, остановив свой взгляд на Яне, произнес:

– Вы пойдете со мной.

Он не спросил. Нет. И в его голосе не было ни мольбы, ни просьбы. Он просто спокойно это заявил. С уверенностью,

что она ответит согласием. И Яна, сама не понимая, как это произошло, вдруг кивнула и протянула ему руку. Мужчина тотчас с жадностью собственника схватил её ладонь и крепко сжал холодными сильными пальцами.

— Ну что ж, — улыбнулся он торжествуя и, развернувшись, уверенно повел Яну к выходу из кафе.

Яна шла по залу, держа за руку совершенно незнакомого мужчину. И видела себя и его словно со стороны. Это было так необычно... Да, давно с ней не случилось ничего подобного. Но ей не было страшно, скорее даже забавно, а еще любопытно. И ей, черт возьми, нравилась его настойчивость! В самом деле, а почему бы и нет? Уверенные мужчины вызвали в ней чувство уважения. Если мужчины перестанут проявлять эту самую настойчивость, то жизнь женщин станет серой и скучной, как промокашка. Она вспомнила, что недавно где-то прочитала об этом, и усмехнулась точности сравнения.

Такое собственное безбашенное поведение поражало: «Надо же, на что я, оказывается, способна! Девчонки будут в шоке, когда узнают об этом!» Но она всё ещё сомневалась, правильно ли поступает, безрассудно бросаясь в это приключение. Внутри нарастало беспокойство, хотя и слабое, но ощутимое... Ведь она ничего не знала об этом мужчине. Кто он? Откуда взялся? Она даже не знала его имени. Они просто танцевали вместе один танец. А теперь шли рядом, как давние друзья.

Его улыбка победителя, его гордая осанка, черные глаза и волосы притягивали заинтересованные взгляды всех вокруг, но казалось, что он этого не замечает. Он смотрел только на Яну, обволакивая и прожигая ее своими глазами.

Они прошли мимо Гоши и его приятелей, застывших в немом изумлении. Миновали посетителей и официантов. Все они смотрели на Яну с восхищением и жалостью одновременно, но она не понимала, что же чувствует сама в этот миг.

«Что я делаю?» – удивлялась она.

«Ты же хотела внимания и заботы, вот ты их и получила!» – шептал чей-то голос в ее голове.

«Бойтесь своих желаний, они могут исполниться. Так, что ли?» – спрашивала она у кого-то.

«Да, так. Обратной дороги нет», – отвечал ей этот кто-то.

Да, именно с этого всё, что было раньше, закончилось. И началось что-то другое, новое.

Тот же вечер – Яна в гостях у Филадельфия

Двери кафе распахнулись, и Яна вместе с загадочным черноволосым незнакомцем оказалась на ночной улице. Увлекая Яну за собой, он уверенно направился к автомобильной стоянке, где их ждал автомобиль, внушительный и, конечно же, черный, под стать хозяину. С изяществом, достойным придворного, мужчина отворил дверь и галантно предложил Яне занять переднее сидение.

Но Яна? Словно статуя, высеченная из безразличия, она не проявила ни удивления, ни благодарности. Она вообще не произнесла ни единого слова! У нее возникло ощущение, что кто-то другой дергал за ниточки ее сознания, а ей оставалось лишь безропотно подчиняться. Мужчина же, напротив, излучал уверенность человека, чьи планы были расписаны до последней секунды, при этом вел себя так, будто между ними уже была достигнута договоренность, и они обсудили маршрут и цели их ночного путешествия.

Оказавшись внутри машины, мужчина потянулся, чтобы пристегнуть ремень безопасности Яны, и на мгновение замер над ней. Он внимательно взгляделся в ее лицо, и Яне показалось, что она медленно погружается в самый сладкий, самый безмятежный сон. И самое поразительное – ни тени страха. Ни единой мысли о маньяках, извращенцах или убийцах не промелькнуло в ее голове и ни разу не щелкнуло: «Внима-

ние, опасно!». Почему-то, с какой-то необъяснимой, почти детской наивностью, она полностью доверилась этому незнакомцу, откинулась на сиденье и закрыла глаза.

Мужчина довольно усмехнулся, включил тихую обволакивающую музыку и уверенно направил машину на выезд с парковки.

Куда они направлялись и сколько продлится эта поездка, Яне было совершенно безразлично. Время словно замерло, растворившись в бархатной темноте ночи. Казалось, сама ночь нежно обнимала, убаюкивая, как в колыбели. Или же это мастерство ее нового спутника так искусно управляло автомобилем, что Яна ощущала себя плывущей по мягким волнам? «Нужно записаться в автошколу, получить права. Я тоже хочу так водить», – мелькнула мысль, и, к ее собственному удивлению, она не показалась ей странной. Ей было уютно и спокойно находиться в этом незнакомом салоне, а всё остальное потеряло значение.

Трудно поверить, но Яна не проронила ни слова. Не спросила, ни куда они едут, ни кто ее спутник. Неужели это та самая Яна, которая раньше без раздумий сыпала вопросами? Та, чья импульсивность и нетерпеливость были ее визитной карточкой? Ну уж во всяком случае с Гошей она никогда не вела себя так покорно, а наоборот, всегда отстаивала свою точку зрения. Она относилась к себе с любовью и уважением, и стремилась к тому, чтобы всё шло по ее желанию. Да, но безрассудно и опрометчиво она себя тоже не вела. А се-

годня происходило нечто совершенно иное.

Она не спорила, не сопротивлялась, а безропотно подчинялась. Ей казалось, что рядом с незнакомым мужчиной сидит не она, а какая-то другая послушная женщина, скрывавшаяся внутри нее и внезапно выскочившая, как черт из табакерки, позволяя увести себя первому встречному. Чтобы вот так, на раз-два, Яна превратилась в кроткую овечку? Чудеса, не иначе! Или чертовщина?

И кто она после этого? Овечка или... овца...

При этой мысли девушка невольно вздрогнула, как от неожиданного холодного прикосновения. Словно очнувшись ото сна, она огляделась и удивленно посмотрела на незнакомца за рулем. Вот это да! Она действительно оставила Гошку и поехала с этим черноглазым? Боже, что из этого может получиться?

Она окинула взглядом мужчину: «Хотя он выглядит взрослым и не похож на сексуального маньяка. Но кто он? Почему так странно себя ведет? Откуда взялся и почему выбрал именно меня? Неужели я ему понравилась?» Эти вопросы вихрем кружились в ее голове, пока машина стремительно неслась по дороге. Яна не знала, что ждет ее впереди, но одно было ясно: эта поездка – начало чего-то нового.

Вот только об этом странном мужчине она по-прежнему ничего не знала, и нужно было срочно восполнять этот пробел: кто он, куда ее везет и всё остальное. Тут же возникло множество вопросов: «Или он не скажет? А если я попрошу?

Как к нему обращаться? Имя-то у него должно быть».

– Как вас зовут? – спросила она с опаской.

Незнакомец неторопливо перевел на нее взгляд, и ей показалось, что даже машина замедлил ход.

– Фил, – хрипло ответил он.

– А я – Яна, – немного помолчав, произнесла она, пытаясь как-то начать разговор с этим Филом. И растерялась от его ответа:

– Я знаю.

– Но откуда? – потрясенно спросила она.

– Терпение, дорогая, и ты всё узнаешь, – улыбаясь, ответил Фил. Его глаза загадочно сверкнули и на миг словно обволокли Яну темным облаком. Заметив ее растерянность, он успокаивающим тоном добавил: – Мы уже почти приехали.

С этими словами он свернул с дороги, направляя автомобиль на узкую улицу, по обеим сторонам которой росли высокие деревья, а за ними угадывались частные дома. Вскоре машина остановилась в тупике перед кованными чугунными воротами. Других домов вокруг уже не было. Фил нажал кнопку пульта, щелкнул электронный замок и ворота медленно откатились, пропуская машину на площадку перед домом. Фары осветили двор и Яна увидела в его глубине высокий узкий кирпичный дом. Но рассмотреть его не удалось – фары погасли, и ворота с тихим стуком закрылись. Музыка в машине стихла, и их окутала густая ночная тьма.

Фил молча вышел, обошел машину, открыл дверь и про-

тянул Яне руку, предлагая выйти. Она невольно передернула плечами от мысли: «Что дальше?» Но пути назад не было. Она сама добровольно приехала сюда, и теперь уже поздно метаться и бояться. «А, будь что будет! – попыталась она придать себе храбрости. – Не съест же он меня, в самом деле!»

Подав руку, она решительно поставила ноги на землю, стараясь выйти из машины с максимальной грацией. Это оказалось непросто – автомобиль был высоким, а ее платье – узким и длинным...

Когда они вошли в дом, хозяин включил свет, и множество небольших светильников, расположенных на стенах и в углах, осветили помещение, одновременно скрывая и подчеркивая его необычность. Яна огляделась.

Они оказались в просторном холле или гостиной со стенами, выложенными камнем. Это мрачное помещение было высоким, в два этажа, и где-то под потолком виднелась массивная хрустальная люстра на черном кованном каркасе. Тяжелые темные шторы плотно закрывали окна. У одной стены стоял черный металлический книжный шкаф, у другой – камин, над которым висело мутное зеркало в тяжелой раме. Неподалеку виднелся какой-то музыкальный инструмент, напоминающий электронное пианино. Рядом – в большом глиняном горшке росла огромная монстера с широкими листьями, причудливо изрезанными странными линиями и дырами. В центре комнаты располагался мягкий белый

диван, рядом с ним – пара уютных кресел, а между ними – низкий черный столик, на котором стояли два узких бокала. На полу лежал огромный черный ковер, а посередине ковра стоял мольберт с закрепленным на нем холстом, накрытым тканью.

«Да уж, пошалил дизайнер!» – мысленно усмехнулась Яна.

Она и так уже была достаточно потрясена в этот вечер, поэтому странный и мрачный интерьер дома, в котором единственным светлым пятном был диван, сейчас не вызвал у нее трепета или удивления. Подумаешь! Каждый оформляет своё жилище по-своему. Она почувствовала лишь легкое замешательство, растерянность и немного любопытства – и всё. Страха по-прежнему не было.

Фил не предложил Яне присесть. Продолжая держать ее за руку, он провел ее через холл-гостиную, затем свернул за угол, где оказалась небольшая кухня. Там он достал из холодильника бутылку шампанского и повел Яну обратно в гостиную. Его поведение выглядело необычным и странным: не глядя на нее, он задавал вопросы и сам же отвечал на них, словно пытаясь компенсировать свое долгое молчание:

– Шампанское? О да! Оно позволит ощутить вкус риска, не так ли? Да, пожалуй!

Он открыл шампанское и разлил его по бокалам. Тонкое стекло сразу запотело, пузырьки весело устремились вверх. Фил подошел к Яне и протянул ей бокал. Держа свой в ру-

ке, он провел пальцами по его краю и коснулся ими ее губ. Яна ощутила ледяной холод его руки, внутренне напряглась, но даже виду не подала, что удивлена. А Фил пристально посмотрел на нее, словно изучая, и хрипло произнес:

– За нас, леди в красном.

Не отводя взгляда от ее глаз, он медленно выпил свое шампанское.

Тусклый свет от светильников, похожих на канделябры со свечами, позволил Яне разглядеть, как в глазах Фила промелькнула искра, которую она тут же мысленно назвала дьявольской. Что-то в глазах этого черноволосого мужчины пугало, но в то же время необъяснимо манило, влекло, затягивало, как в водоворот. Этому невозможно было сопротивляться, и Яна подчинилась. Она поднесла бокал к губам, но лишь пригубила вино – шампанское оказалось ледяным и от холода у нее заломило зубы.

В этом ночном свидании, было столько таинственного, непривычного ей. Что дальше? Она думала, что по всем правилам сейчас последует поцелуй, как это обычно бывает при романтическом знакомстве мужчины и женщины, и была почти готова к этому неизбежному шагу...

Однако Фил не собирался ее целовать. Она даже мысленно выдохнула с облегчением, а он снова взял ее за руку, подвел к мольберту и резким движением руки сдёрнул с него ткань.

Яна ожидала увидеть что угодно. И была готова к любой

картине, даже самой неожиданной, написанной в стиле сюрреализма или экспрессионизма, или, может быть, абстракции. Да пусть даже в стиле ню, чего там! Она не ханжа, и ей были интересны разные направления живописи. Она слышала и читала о таких художниках, как Пабло Пикассо, Сальвадор Дали, Кандинский, Мунк, и понимала, что многие пытаются им подражать и малюют красками на холстах, считая, что если их рисунки похожи на детские, то это уже шедевр. Дилетанты!

В том магазине, где она работала, на стене висела одна картина местного художника, выполненная в стиле, который можно было бы назвать «мазня с претензией». Мужчины-покупатели подолгу задерживались перед ней, разглядывая с умным видом, как будто бы не просто смотрели на брызги краски, а пытались разгадать тайны вселенной. Яна не могла удержаться от смеха, наблюдая за их попытками выглядеть знатоками живописи. Мазня она и есть мазня. Лично ей больше нравились художники-импрессионисты, которые умели передать атмосферу момента. Но, как говорится, на вкус и цвет...

Все вокруг стремятся следовать тенденциям времени и выбирают себе вещи, руководствуясь не столько личными предпочтениями, сколько модой. Фил, например, выглядит так, будто только что вышел из художественной галереи, где ему предложили «что-то экстравагантное». Ему, пожалуй, подошло бы что-то в стиле магии или сюрреализма. Поэтому

Яна была настроена увидеть сейчас нечто подобное.

Но, увы, реальность оказалась далека от ее ожиданий.

На полотне ничего не было изображено. Оно оказалось чистым и нетронутым. Холст, натянутый на подрамник, выглядел так, будто его приготовили для работы, осталось только взять в руки кисть и начать рисовать. Он словно призывал ее: «Вперед!» Яна почувствовала легкое покалывание в правой руке и невольно потерла ладони. Фил заметил это движение и довольно кивнул, затем спросил:

– Ну?

– Что «ну»? – удивилась Яна, не понимая, чего он от нее хочет.

– Нравится?

– А что мне может нравиться, если я ничего не вижу? – дерзко ответила Яна и тут же немного смутилась, заметив неодобрение в глазах Фила. Он даже покачал головой и цокнул языком.

Однако Яна не испытывала чувства вины. С чего бы ей быть виноватой? Ну хорошо, она сейчас у него в гостях и, конечно, согласна вести себя вежливо, но зачем же выставать ее дурой? Он привез ее к себе, угостил шампанским и вдруг показывает чистый холст. А вдруг он сумасшедший? Может, уже пора начать его бояться?

Но страха по-прежнему не было, зато появилась злость. Да, Яна начинала злиться, потому что не понимала, как вести себя с этим странным мужчиной. А когда она чего-то не

понимала, это ее раздражало и выводило из себя. Ну просто выбешивало!

Фил же продолжал держать себя необычно и задавать не менее странные вопросы.

– Ты готова рисковать? – спросил он.

– Послушай, я, может, и опрометчиво поступила, согласившись танцевать с тобой в кафе и еще приехав сюда, но это не дает тебе права вести себя недостойно! – сказала она с вызовом и негодованием в голосе. – И вообще, отвези меня обратно, я хочу домой.

– Ну что ты, дорогая. Разве я тебя чем-то обидел?

– Нет, но...

– Тогда не стоит нервничать, хотя, возможно, в гневе ты как раз и сильна.

Увидев, что Яна хочет возразить, он предостерегающе выставил перед собой руку. Улыбка исчезла с его лица, взгляд стал серьезным. Но Яну было уже не остановить, она вспыхнула:

– Прекрати говорить загадками и играть со мной в игры, правил которых я не знаю.

– А что вдруг тебя так напрягает? – искренне удивился Фил.

– Хочу понять, чего ты от меня хочешь.

– Послушания, подчинения, покорности, – произнес он и, шагнув к ней, встал рядом. Одной рукой он обнял ее и притянул к себе, подбородком указывая на холст: – Перед

тобой дверь, ты откроешь ее и пойдешь туда, куда я скажу.

Яна вздрогнула от его слов и попыталась отстраниться, но он удержал ее, развернул лицом к себе, хищно улыбнулся и добавил:

– Не бойся, я буду рядом. Я всё время буду рядом и смогу тебя удержать на краю, когда понадобится.

«Он точно сумасшедший, – с ужасом подумала Яна, глядя в его черные глаза, горящие безумным блеском. – О какой двери он говорит, когда перед нами просто мольберт и чистый холст? Господи, во что я вляпалась? Нужно срочно бежать отсюда, но как?»

Ей пришло в голову, что с сумасшедшими нельзя спорить, им нужно уступать и соглашаться. «Ну что ж, ладно, постараюсь», – вздохнула она и попыталась взять себя в руки, сделав вид, что согласна с ним. Выдавила из себя улыбку и произнесла:

– Уже поздно, давай поговорим обо всем завтра, а сегодня мне уже пора домой. Вызови, пожалуйста, такси, и я...

Она не смогла договорить, потому что слова сами собой застряли у нее в горле: Фил вдруг запрокинул голову и громко рассмеялся. Хотя нет, это был не смех, а настоящий демонический хохот. Звук его смеха заполнил всю гостиную, отразился от потолка и обрушился на Яну с такой силой, что она словно приросла к полу. А Фил, продолжая смеяться, сжимал ее плечи своими сильными пальцами. Казалось, что холод его рук проникает прямо в душу. И вот тогда Яне ста-

ло по-настоящему страшно.

Когда он наконец прекратил смеяться, его хватка ослабла. Он провел руками по ее плечам, взял за ладони и, слегка наклонившись, поднес их к губам. Неторопливо целуя каждый палец, он смотрел на Яну поверх рук, не отрывая взгляда от ее глаз. Яна ошеломленно молчала, а по ее спине медленно скатывалась капля ледяного пота, как будто это было то самое шампанское, которое она недавно пила. «Только не дрожать!» – уговаривала она себя, надеясь, что всё скоро закончится. Словно услышав ее, Фил отпустил ее руки, выпрямился и сказал:

– Нет, не поздно. Сейчас самое время. И это только начало.

– Начало чего? – еле слышно прошептала она.

Его улыбка стала еще более загадочной:

– Всего, дорогая. Я уверен, тебе понравится.

– Что именно понравится? – не унималась она.

– Ты слишком нетерпелива, – с укором покачал он головой. – Это плохо, и ты будешь наказана. Хотя нет, пожалуй, для первого раза достаточно будет предупреждения.

– Я что, попала в рабство? – недовольно спросила она.

От ее вопроса Фил вздрогнул и вдруг... Заговорил – быстро, резко и отрывисто.

Его речь одновременно была полна объяснений, обвинений и оправданий. Глаза Фила лихорадочно блестели, а его руки нервно сжимали ее пальцы. Яне стало больно, но она не

пыталась вырваться. В его словах звучало столько самых разных эмоций, что она была потрясена. Она не ожидала увидеть Фила таким. Куда делись его властность и напор? Теперь перед ней стоял мужчина, который умолял:

– Ну что ты? Это я твой раб. А ты – моя госпожа. Ты моя леди в красном! – воскликнул он и тут же понизил голос и почти прошептал: – Я так долго искал тебя. Так долго... Уже не надеялся...

Яна испуганно молчала, а его голос стал высоким и укоряющим:

– Но это твоя вина! Ты спряталась! А может, ты просто затаилась на время? – И снова мольба: – Скажи, что это не так. Скажи, что ты согласна. Ты ведь не откажешь мне, правда? Конечно же нет! Пообещай, и ты не пожалеешь. Сделай это! Сейчас!

– Да что я должна сделать? – воскликнула Яна, не в силах больше выносить потрясение от его слов и сдерживать собственные эмоции.

– Рисуй! – чуть ли не со слезами выкрикнул он в ответ.

– Рисовать? Я? – удивилась она и выдернула свои руки из его ладоней. – Да я уже сто лет не рисовала! Ты о чем?

Фил внезапно изменился. В его взгляде и голосе больше не было мольбы, теперь он снова стал прежним – уверенным, решительным, властным. Его голос стал жестким, а взгляд – холодным.

– Ну как же! Я знаю, что ты рисовала буквально месяц

назад, — произнес он с сарказмом.

Яна глубоко вздохнула. «Вон оно что!» Теперь ей всё стало ясно: ее приняли за кого-то другого. Фил ошибся. Вот в чем дело. Вот почему его слова и поведение выглядят такими странными. А она-то, глупая, испугалась до дрожи. От такого понимания Яне стало легко и весело. В голове мгновенно возникли приятные мысли: теперь она сможет уехать домой, и этот странный вечер закончится. «Больше никогда и ни за что не буду так легкомысленно себя вести с незнакомыми мужчинами», — мысленно поклялась она и уже уверенно обратилась к Филу:

— Ты меня с кем-то путаешь, Фил, — улыбнулась она. — Честное слово, я с детства не брала в руки краски и не рисовала.

— Не-е-ет! — протянул он. — Не лги мне! А помада?

— Какая помада? — удивилась Яна.

— Алая, как твое платье, — его рука нежно коснулась ее тела, очертив талию и бедра, затем поднялся выше, задержалась на груди и остановилась у губ. Он мягко провел пальцем по ее губам и вкрадчиво спросил: — Ты ведь любишь красный цвет, верно? И ты рисовала помадой на зеркале. Или я ошибаюсь? Отвечай! — его голос внезапно стал жестким, а пальцы сжались, словно ледяные тиски.

Фил приподнял ее подбородок и пристально посмотрел ей в глаза, словно хотел заглянуть в самые глубины ее сознания и не дать отвести взгляд или солгать. Его гипнотический

взгляд заставлял вспомнить все события, произошедшие месяц назад, до мельчайших подробностей.

И Яна вспомнила...

Размышления Фила за месяц до встречи с Яной

У каждого бывают неудачные дни, но для мужчин невезения особенно тяжелы. Когда и рыба не клюет, и ружье дает осечку, и вообще всё идет не так, как хотелось, сплошные «не». Полоса неудач. С кем не бывает.

Фил, как опытный психолог, это отлично понимал. Да, читать мысли и чувства других людей он умел. А когда у самого что-то шло не по плану, относился к этому философски: разве он не сможет разобраться со своими заморочками? Обычно Фил на своих проблемах не заикливался, считал это нецелесообразным и недостойным специалиста его уровня. Силой воли он всегда мог убедить себя, что у него всё в порядке, и не просто хорошо, а отлично! Так-то оно так, но в тот вечер и у него всё пошло наперекосяк.

Даже кофе не получился – он убежал в самый неподходящий момент, когда Фил отвлекся всего на мгновение, чтобы ответить на телефонный звонок. Пришлось вылить остатки кофе и варить новую порцию. Но настроение уже было испорчено.

Кроме того, еще и трубка упорно не желала раскуриваться – похоже, табак отсырел. Подобное случалось крайне редко, но на этот раз так и вышло. Целую неделю лил дождь, пропитав влагой воздух, даже в доме стало сыро. Фил, веро-

ятно, неплотно закрыл коробку с табаком, что и привело к такому результату. Казалось бы, пустяк, не заслуживающий внимания, но... Неожиданно возникло легкое раздражение, грозившее перерасти в нечто большее – гнев.

А тут еще Яна творит, вернее, вытворяет... Затаилась и никак себя не проявляет. В дурочку играет? Так и хочется схватить ее за точеные плечи и встряхнуть, как следует. Выбить из нее дурь.

Когда проблемы накапливаются одновременно сразу в нескольких сферах, может показаться, что жизнь пошла под откос. Порой достаточно всего одной неудачи, для того чтобы возникли злость, тревога, разочарование и, как следствие, появляется неуверенность в себе. Вслед за этим цепляется следующая ошибка, за ней другая, и так далее – как эффект домино.

Фил не раз рассказывал своим пациентам о похожих ситуациях и объяснял им возможные причины подобных каскадов проблем. Обычно он делал это отстраненно, не принимая чужие заботы близко к сердцу. Он привык к жалобам на жизнь и никак на них не реагировал. Фил просто слушал. Это могли быть невезения в отношениях с партнером, проблемы со здоровьем, неудачи на работе, финансовые трудности. Выслушав, Фил давал разумные советы и объяснения. Иногда, если пациент попадался образованный, Фил мог даже связать его проблемы с кармической связью между поступками и их последствиями: последующими удачами или

провалами.

Психология... Какое же это бездонное и широкое поле для исследования, и как виртуозно она позволяет, при должном подходе, выворачивать события в свою выгоду! А уж Фил-то свою выгоду никогда не упускал, нет! Но вот парадокс: одно дело – ловко лечить чужие души, и совсем другое – пытаться врачевать собственную, трещащую по швам.

Он вспомнил это проклятое латинское: «Врач, исцели самого себя» – и горько усмехнулся. «Вот до чего докатился, – пронеслось в голове. – Я, великий Фил, уже не справляюсь. Мне, оказывается, самому нужен... врач. Ха! Может, стоит, наконец, изменить свои мысли, чтобы хоть как-то перекроить психологию восприятия везения? Мысли – это же инструмент, мать его, который может работать на тебя, или, как сейчас, беспощадно против. Ну что ж, пришло время. Похоже, мне, психологу с большой буквы, следует научиться выстраивать... ожидание положительных событий».

Мысль о том, что он, такой уверенный и невозмутимый психолог, может быть в чем-то уязвимым, вызвала не просто дискомфорт – она бесила. Она не оставляла его, словно надоедливый сверлящий до мозга костей звук неисправной бормашины, работающей без всякого наркоза. И это раздражало. Откуда ни возьмись вдруг появилось это мерзкое желание копаться в своих чувствах, анализировать каждое произнесенное слово и даже, о ужас, критиковать собственные поступки. А всё потому, что Фил неожиданно почувствовал...

неуверенность.

Это ощущение было похоже на то, как если бы он плыл по морю, стоя на носу крошечной яхты. Яхта качалась, и он то поднимался вверх, то опускался вниз. Сердце замирало, а ноги дрожали от неустойчивости. Хорошо хоть не тошнило, и на том спасибо! Филу даже на миг показалось, что он взмыл в воздух, рухнул вниз и, выпустив из рук штурвал и потеряв всякое управление, теперь беспомощно болтается на этом утлом суденышке по бурным, насмешливым волнам. Вот до чего довела его хваленая визуализация!

Его охватило беспокойство, что он где-то допустил ошибку. Но ведь это невозможно! Никакой ошибки быть не должно. Он почти убедил себя, что всё в порядке, но внутри, в душе всё равно почему-то оставалась тревога. Хм, в душе... А есть ли она у него? Куда скрыться от сомнений и проснувшейся интуиции, которая подсказывает, что что-то пошло не так? И откуда эти внезапные размышления о себе... С чего вдруг? Мысли лихорадочно роились в голове, задавая вопросы и требуя ответов. Ну что ж, придется разобраться до конца, раз уж накатило...

Он сидел в кресле, наслаждался ароматным кофе, курил трубку и думал, думал, думал...

Да, скоро ему исполнится пятьдесят. «Уже» или «еще» пятьдесят? Он уже не молод или еще не стар? Всё зависит от того, как расставить приоритеты. За плечами опыт, он как рюкзак за спиной, который не спрячешь и не скинешь. Он

всегда на виду.

Иногда Филу казалось, что этот виртуальный рюкзак совсем легкий и он почти не чувствовал его веса. В такие моменты своей счастливой слепоты он и сам становился словно легче и ощущал радость и беззаботность. Это настроение отражалось на его поведении, поступках, словах, а также в его отношениях с женщинами.

Но порой этот рюкзак становился невыносимо тяжелым и громоздким, как у альпиниста или заядлого путешественника. В нем имелось всё: палатка, спальный мешок, смена белья, консервы и... да, перечислять можно долго. Безусловно, всё это было жизненно необходимым, но нести такой груз было крайне трудно...

И пусть в рюкзаке у Фила находились только знания, опыт, экстрасенсорные способности и дар гипнотизера, которые, казалось бы, ничего не весят, но груз, накопленный им за пятьдесят лет, стал вдруг непосильным. Он давил, тянул вниз, пригибал к земле и не давал дышать полной грудью. В такие моменты Фил чувствовал себя стариком, пусть и умудренным опытом и действительно умным, но... старым. И тогда он (и сам не понимая, отчего вдруг) становился брюзгой и нравоучителем. Как ни крути, а груз лет не спрячешь. И даже при наличии желания и возможностей противостоять собственной приближающейся старости и соперничать с чужой молодостью становится всё сложнее. А так хотелось власти, денег и уверенности.

Эх, если бы была жива Женька, Женечка, Женева... Вот она бы поняла и приняла его таким, какой он есть, в любом возрасте и облике. Лишь она одна видела его насквозь, и только с ней нельзя было играть и притворяться. Да он и не пытался. Но ее больше нет. А он так любил ее... На глаза невольно навернулись слезы. Невозможно повернуть время вспять, чтобы вернуться в прошлое и сказать ей об этом. Увидеть в ее глазах признательность, ласку и благодарность и... О боги, ждате: а вдруг в ее взгляде промелькнет хотя бы малая искра ответной любви?

Фил погрузился в воспоминания о своей любимой женщине. Перед ним снова возникла она – высокая, стройная, с копной темных, почти черных волос и такими же пронзительными черными глазами, совсем как у него. Он так надеялся, что их внешняя схожесть, о которой однажды даже упомянула ее мать, поможет им стать близкими не только телом, но и душой. Однако та старая ведьма как-то со злостью сказала ему: «Ты свои губешки-то не раскатывай и в сторону Женьки даже не смотри. Ничего у тебя с моей дочерью не получится, оставь ее в покое». А он лишь посмеялся в ответ. Он не верил, что Женя ничего к нему не испытывает. Фил был убежден, что они созданы друг для друга и должны быть вместе. Да!

Пусть не сейчас, но когда-нибудь, со временем. Нужно лишь немного подождать, выждать. Уже и бабки нет, больше никто не мог его остановить. Он ждал от Жени хоть намека,

но она оставалась неприступной и недоступной, по-прежнему красивой и гордой, и самое страшное – не желающей признать свое предназначение.

Фил был потрясен: как так? Как она могла добровольно отказаться от своего дара? Дуреха! Хотя нет, она вовсе не глупа. Или, может быть, притворялась? А вдруг она просто изображала равнодушие к нему, Филу? Относилась как к младшему брату? Но ведь он не настолько младше, чтобы было так... Нет, такого просто не могло быть!

Он отчаянно пытался уловить в ее глазах хоть малейший отблеск ответного чувства, если уж не любви, то хотя бы внимания к себе! Его сердце замирало от боли, руки дрожали, на глаза наворачивались слезы, но... Женька оставалась непреклонной, как скала. Ее воле можно было позавидовать. Если сказала «нет», значит, «нет» навсегда. Как же он любил ее, до безумия, а она... Она любила Анатолия, глупого, безвольного человека. Пусть тот был добродушным и безобидным, но ведь совершенно никчемным мужчиной, к тому же пьяницей, который предпочитал жене бутылку, будь то дорогое вино или дешевая водка. Это было издевательство судьбы.

Фил мучился вопросом: ну почему, почему так несправедливо распределились роли? По каким законам математики у них троих сложился такой любовный треугольник, в котором все углы острые, режущие душу?

Но что теперь-то об этом говорить. Женьку уже не вернуть. Она, глупая, ушла из жизни вместе с любимым мужем,

и Фил до сих пор не мог понять, что, черт возьми, толкнуло ее на такой шаг? Он ведь специально тогда уехал, с такой надеждой, что в разлуке с ним, находясь рядом со своим мужем, она сравнит их и поймет, как ей плохо без него, Фили. Думал, что она прозреет и освободится от брака с пьяницей. Он даже мечтал: а вдруг Анатолий уйдет первым, и тогда между ним и Женькой не останется преград.

Он верил в их воссоединение. Верил так отчаянно, что это стало его единственной движущей силой. Упорно учился, осваивал новые знания, развивал экстрасенсорные способности, изучал магию, совершенствовал гипноз. Всё ради нее, ради того момента, когда вернется и поразит ее своим мастерством. Он был уверен: она потянется к нему, и вместе они смогут достичь многого. Да что там – многого! Они горы свернут! Весь мир будет у их ног!

Но мечты рухнули. Когда он вернулся, было слишком поздно. Ни Женьки, ни Толика, ни даже их дочери Яны. Только эта оглушающая пустота.

Узнав страшную новость, он словно потерял себя. Бесцельно бродил вокруг дома Женьки, как призрак. Долго стоял под ее окнами, запрокинув голову, всматриваясь в темные проемы. Кого он надеялся там увидеть? Глупец. Внутри все кричало от боли и безысходности. Обессиленный, он уселся на траву и вдруг услышал полный отчаяния свой внутренний голос: как жить дальше? Для чего ему жизнь без неё? Замены ей нет и быть не может.

Фил словно обезумел. Решил остаться под окнами на всю ночь, даже улегся на спину, как будто пытаюсь слиться с землей. Но лежать оказалось неудобно – что-то впивалось в спину, то ли камешек, то ли сучок. Мелкая, но такая раздражающая помеха. Она отвлекала его от мыслей о Женьке и усиливала злость на собственное бессилие. Неохотно пошарив за спиной, чтобы избавиться от этой досадной мелочи, его пальцы коснулись чего-то холодного и гладкого. Он не сразу понял, что это, но, поднеся находку к глазам, замер: кольцо. То самое Женькино кольцо, которое она никогда не снимала и никогда с ним не расставалась. И вот оно у него в руках. Это знак? Надежда? Или просто насмешка судьбы? Иллюзия, порожденная его собственным безумием.

Внутри бушевала борьба между отчаянием и крошечной, почти невозможной искрой надежды. Неужели это от нее? Она вернулась к нему!

– Ты здесь! – воскликнул Фил, вскочил на ноги и тут же, испугавшись, что сходит с ума, прижал ладонь к губам.

Он огляделся по сторонам – никого. Фил искал взглядом ту, о ком думал, но не находил. Однако это не вызвало у него ни разочарования, ни грусти. Напротив, он почувствовал, что если ее нет рядом сейчас, это лишь означает, что она непременно вернется к нему, но позже. Ведь у его любимой Женьки была дочь – Яна! Она оставила ее вместо себя! Для него! И он должен эту Яну найти.

В тот миг у Фила появилась цель и смысл жизни, и он на-

чал поиски.

Он довольно быстро установил, что через полгода после смерти родителей Яна, которой исполнилось восемнадцать, вступила в права наследования, продала квартиру и уехала. А затем начались проблемы: никто не знал и не мог ему сказать, куда именно.

Фил искал её. Искал долго и вот, наконец, недавно нашел.

Когда он впервые увидел Яну, то чуть не потерял рассудок – она оказалась поразительно похожа на Женьку, буквально как две капли воды. Те же черты лица, фигура, те же пытливые глаза. Фил даже подумал, что это сама Женева воскресла. А что? С нее станется! Взяла да и задействовала свои магические способности, дремавшие в ней до поры до времени, и вот, пожалуйста, – ожила.

Однако, присмотревшись к девушке, к этой Женькиной копии, и узнав о ней больше, он понял: нет, это не Женья, это всего лишь ее дочь Яна. Похожа, да, но не слишком. Чего-то в ней не доставало, хотя уверенность и стиль чувствовались. Но ей не хватало того безудержного огня в глазах, той притягательности и энергетики, которые имелись у ЖENEвы в избытке. А может, причина той притягательности заключалась в Женькином кольце?

Но тем не менее Яна – истинная дочь своей матери. И до чего же похожа, чертовка! Интересно, знает ли она о своих способностях, унаследованных от матери? Или нет? Не может быть, чтобы Женька ей ничего не рассказала. Конечно

же, Яна всё знает!

Филу было крайне любопытно, как девушка проявит себя, чтобы иметь к ней подход. Он пребывал в нетерпении, но... Время шло, а девчонка словно издевалась и была чиста «аки агнец». То ли хитра, то ли бестолкова. Он не верил, что Яна ничего не знает о себе. Ведь не могла же Женя не посвятить ее в тайну рода? Нет, она обязана была всё рассказать дочери. Нужно потерпеть. Она обнаружит себя.

Терпение у Фила было стальное, и он ждал момента, когда же девушка возьмет в руки кисти и окунет их в краски! Он сразу почувствует это и поймет, что вот оно, наконец-то. И тогда...

Он наблюдал за ней, как настоящий детектив. И пока так присматривался, то неожиданно для себя осознал, что... влюбился. Можете себе представить? Он, взрослый и циничный мужчина, влюбился во второй раз в жизни, как мальчишка. И даже смирился с тем, что если уж не Женька, то пусть будет хотя бы Яна! И с тех пор не мог думать ни о ком другом, кроме нее.

Да, Яна – его шанс, его ключ к счастью. Она откроет перед ним дверь в жизнь, полную изобилия и успеха, о которых он так мечтал.

Да, ему почти пятьдесят, и в нем есть всё, что делает мужчину мужчиной: стальная хватка, твердость, непоколебимая уверенность, дерзкая отвага и острый ум. Не хватает лишь звонкой монеты и властного рычага. Однако не стоит спе-

шить. Ведь его истинное сокровище – это бездонное терпение, хитрая осторожность и змеиная осмотрительность. Именно эти качества, словно верные спутники, помогали ему выживать и рассчитывать только на себя. Раньше, помимо этих талантов, у него была Женька – его путеводная звезда, его маяк и компас. Но она, увы, подвела, развеяв в прах все его грандиозные планы и растоптав хрупкие надежды.

Но какая же она, Женька, хитрая лисица! Она помнила о нем и оставила ему замену себе – свою дочь! И теперь Фил знает, что делать. Ему нужна Яна. Только она! Она должна стать его собственностью, его послушной марионеткой и служить лишь ему одному.

Конечно, он мог бы с легкостью заставить эту пташку подчиниться, играя на струнах ее души своим искусным умением влиять на людей. Но нет. Это было бы слишком просто, слишком грубо. Она должна сама, по своей воле, сделать шаг навстречу, сама выбрать свой путь. Только тогда ее скрытые способности расцветут и принесут тот желанный плод, на который он так рассчитывает.

– Как же это прекрасно – быть мужчиной! Я могу подарить женщине иллюзию свободы, дать ей шанс самой вершить свою судьбу! – Фил театрально развел руки, его глаза горели недобрым огнем. – О да! Пусть она почувствует себя уверенной, независимой! Поверит в свою якобы самостоятельность, а мы, великие мужчины, готовы великодушно поддержать ее в этом благородном начинании! – проговорил

он с приторной улыбкой, радостно потирая руки и предвкушая сладкую победу.

Воспоминания Яны: она и ее подруги

После слов Фила о рисунке губной помадой Яна действительно вспомнила всё. Или почти всё.

Вот так в одно мгновение, как по волшебству, щелк! – и картинки прошлого выстроились перед глазами, начиная с того момента, как она, двадцатипятилетняя, вернулась из столицы в родной город. Причем с новой фамилией «Клинская», которую выбрала себе, отказавшись от родительской. Когда купила однокомнатную квартиру и дала себе установку забыть о Москве и начинать новую жизнь с чистого листа.

В ее планах эта новая жизнь представлялась счастливой, спокойной и безоблачной – по шаблону: работа, дом, семья. Поначалу всё так и было: и работа, и дом, хотя, конечно же, ей хотелось еще и семью, но пока такое желание как-то не торопилось исполниться (как обещания на Новый год!). Пришлось довольствоваться личной жизнью в виде развлечений, веселья и шалостей. Тем более что для этого имелась подходящая компания: судьба подарила ей двух замечательных подруг. Их неразлучная троица умела радоваться жизни, когда выпадала такая возможность. Да, позажигать они с девочками любили! Тем более что все трое до сих пор не были замужем.

Воспоминания, эти незванные гости из прошлого, пронесли в голове Яны, как кадры фильма при ускоренной пе-

ремотке, – мелькали, не задерживаясь, как будто она спешила поскорее пролистать скучный альбом.

Она-то считала свою жизнь до неприличия обычной, ничем не примечательной, и от судьбы, этой капризной дамы, не ждала ни резких поворотов, ни неожиданных кульбитов, ни, тем более, счастливых случайностей в виде лотерейных билетов. И уж точно не искала особых ярких приключений на ту самую привлекательную часть женского тела, которая, по слухам, так и норовит притянуть к себе всякие «интересности».

«Всё, что было раньше, осталось позади, – отмахивалась она от прошлого, как от назойливой мухи. – Зачем ворошить былое? Ну погуляла, ну покуролесила, ну набила шишек, с кем не бывает? Нужно жить здесь и сейчас!» И когда на ее пути возникали трудности (а они, эти милые спутники жизни, конечно же, возникали, куда без них-то!), она встречала их с достоинством и преодолевала с высоко поднятой головой. И, разумеется, с улыбкой. Порой саркастичной, как утомленная жизнью Джоконда, порой грустной, как осенний дождь, но чаще – радостной и беззаботной, как у ребенка, которому только что подарили конфету.

Пережив московскую «школу выживания», где ей пришлось столкнуться с безответной любовью к женатому мужчине (о, эта классика жанра!), и получив от судьбы целую коллекцию щелчков по носу, она воспринимала этот опыт как бесценный абонемент в клуб «Познай себя», как привив-

ку от глупости и наивности в ее, прямо скажем, неустроенной, безалаберной и не очень-то счастливой жизни. И была вполне довольна тем, что столица, эта суровая мачеха, закалила ее характер до состояния алмаза и сделала такой, какой она является сейчас – выносливой, независимой и с иммунитетом к чужим мнениям.

Она никогда не давала себя в обиду. Никогда и никому! Хотя у нее не было наставников, этих мудрых гуру, которые могли бы подсказать, как жить «по правилам», Яна сумела обрести уверенность в себе и научилась выглядеть «элегантно» в любых ситуациях. Правда, быть белой и пушистой, такой покорной кошечкой, не всегда удавалось – коготки нет-нет да и высывались из бархатных лапок, проявляя ее характер. Что ж, каждый защищает себя как может, а Яна умела это делать с изяществом хищницы.

Вы думаете, это легко? Яна считала иначе, ведь ее жизнь часто напоминала борьбу за выживание, где вместо диких животных – просто дикие ситуации. Однако окружающим об этом знать было не обязательно. Никто и подумать не мог, что за внешним фасадом уверенности этой красивой девушки могут скрываться трудности. Ею порой даже восхищались, а Яна и не возражала, и лишь снисходительно принимала комплименты. И хотя она не обладала модельной внешностью, в ней чувствовалась порода, утонченность и собственный неповторимый стиль – как у хорошего вина, которое независимо от вида бутылки всегда радует хорошим вкусом.

Высшего образования она не получила, но это ее нисколько не беспокоило. «Подумаешь, диплом, – усмехалась она, – главное, что у меня в сердце и голове». А несмотря на жизненные испытания, её сердце оставалось добрым и отзывчивым, а ум пытливым и разносторонним, благодаря чему она могла поддержать беседу на любую тему и быть интересным собеседником.

В каких-то вопросах она разбиралась хорошо или была настоящим экспертом, а в других чувствовала себя полным профаном, но отлично умела это скрывать, вовремя замолкая. Этому приему совершенно случайно ее научил один взрослый мужчина-покупатель, который хотел приобрести книгу модного писателя. Яна тогда работала в книжном магазинчике, и он попросил ее, как консультанта, рассказать, о чем эта книга. Яна книгу не читала, знала о ее содержании лишь поверхностно, но надеялась, что и покупатель не разбирается в теме. На язычок она была острой, в фантазиях ей не было равных, поэтому она с излишней горячностью импровизировала на ходу, нагло и с энтузиазмом вовсю расхваливая товар. Ей-то нужно было продать, а в торговле, как известно, все средства хороши!

Мужчина внимательно слушал ее, кивал, а затем сказал: – Позвольте дать вам один совет, милая девушка: если не знаете, что ответить на вопрос, лучше промолчите. Золотое правило!

Яна всё поняла и покраснела от стыда. Он, заметив это,

улыбнулся, по-дружески подмигнул и добавил:

– Кстати, я читал эту книгу, но в вашем пересказе она выглядит даже интересней. Вы – настоящая фантазерка!

Яна смущенно ответила:

– Простите... Мне просто нужно выполнить план продаж...

И, опустив голову, замолчала. Она думала, что мужчина сейчас начнет ее стыдить или ругать, а он ... купил эту и еще несколько дорогих книг, чем спас ее в тот день от нагоняя начальницы за низкие продажи.

С тех пор, помня об этом полезном совете, Яна старалась никогда не врать (ну или почти никогда!) и не говорить о том, чего не знала или в чем была не уверена. Или в нужный момент промолчать. Это помогало ей избегать неловких ситуаций и выглядеть более компетентной, а порой даже загадочной!

Жизнь в Москве научила ее быть хитрее и осторожнее, и теперь Яна искренне верила, что готова к любым жизненным поворотам, и вообще считала себя «тонкой штучкой» в широком понимании этого слова. Возможно, поэтому она терпеть не могла, когда знакомые пытались ее притворно пожалеть. «Бедняжка, – говорили они, – у тебя нет родителей, нет родственников, ты совсем одна. Как же ты живешь?»

«Вам-то какое дело?» – внутренне возмущалась она, пытаясь сдерживать недовольство.

Особенно ее раздражали тупые вопросы бывших одно-

классниц (особенно их пренебрежительное «И чо?»): «И ты правда из Москвы уехала? А почему? И чо, так одна и живешь? И никто тебе не помогает? Даже спонсора нету? Да ладно, не может быть?» Таких «подруг» Яна удаляла из своей жизни. Искореняла, как сорняки с грядки, безжалостно вырывая их с корнем. Раз и навсегда.

Зато настоящих друзей она окружала заботой и вниманием, любила и защищала. Вот от них она согласна была получать даже сочувствие, особенно в моменты, когда ее девчачье настроение напоминало бурю в стакане воды. А что? Случалось и такое, когда после бокала вина (или двух, ну, или трех!) хотелось поделиться своими переживаниями или поплакаться на свою судьбу.

Яна была уверена, что подруги всегда поддержат ее в трудную минуту. Она и сама могла за них кого хочешь «убить», не в прямом смысле, конечно, а в переносном. Но то, что за подруг она стояла горой, это правда. Впрочем, они отвечали ей тем же. Так уж вышло, что их дружба была крепкой и проверенной временем и расстоянием. И к своим нынешним двадцати девяти годам Яна чувствовала себя счастливой и богатой, потому что она вовсе и не одна, у нее есть две настоящие подруги – Ленчик и Катюха, которые всегда готовы поддержать ее в любой ситуации, даже если это просто совместный просмотр романтической комедии с ведром попкорна.

С Ленкой они были неразлучны с самого первого класса,

как две половинки одного яблока, только яблоко это было с характером! Десять лет за одной партой – это вам не шутки! Они считали себя сестрами и всё делали вместе: шушукались о понравившихся мальчиках, менялись юбочками и кофточками и даже, о ужас для их будущих бойфрендов, тайком от всех играли в куклы. А что? Им нравилось! Они шили одежды куклам, придумывали им разные смешные роли и такие спектакли устраивали, что Бродвей бы обзавидовался! Вдвоем им было весело и комфортно дружить.

Из обычных симпатичных девчонок они к своим шестнадцати вдруг как-то незаметно превратились во вполне сформировавшихся и фигуристых девушек. Одновременно вытянулись вверх и переросли всех своих одноклассниц. Обе темноволосые, уверенные, независимые – такие, что мальчишки сворачивали шеи, пытаясь их разглядеть. От поклонников отбою не было, но Ленке с Янкой было не до сердечных страданий – они вдруг решили, что им нужен адреналин покрепче, и неожиданно увлеклись спортом. И не какой-нибудь там аэробикой или гимнастикой, а настоящим боксом, представляете? И целый год посещали секцию при спортивной школе. А потом, как по команде, бросили. «Надоело», – в один голос отвечали они всем любопытным, хотя истинную причину не раскрывали.

Не станешь же объяснять каждому, что тот невысокого роста физрук, который учил их правильно держать руки, уметь атаковать и уходить в оборону, вдруг сам начал приставать

к Ленчику, хватая ее и лапая. А та, недолго думая, почти не целясь, размахнулась да дала преподавателю... в глаз. А что? Вполне себе профессионально нанесла прямой сильный удар кулаком – панч. Сделала всё, как он сам же и учил. А потом, гордо вздернув подбородок, стащила с себя перчатки и бросила мужику под ноги, молча развернулась и вышла из зала. И больше ни о каком боксе даже слышать не хотела. Всё, как отрезало.

Яна в знак солидарности тоже решила оставить в прошлом это совершенно не женское занятие. Ей одной абсолютно не хотелось ходить в спортзал. Неинтересно стало, и всяческий азарт пропал. Теперь бокс воспринимался ею не как спорт, а как обычная драка. Да и Ленку было жалко оставлять одну. Тренера видеть тоже больше не хотелось. Иногда, правда, возникало одно странное желание: так же, как и Лена, врезать этому любителю женских тел прямым хуком справа. Но потом и оно исчезло, оставив после себя легкое разочарование. Жаль было лишь потраченного на спорт времени.

Но горевали девчонки недолго – всего пару недель. А потом всё как-то забылось, откатилось в сторону, и вскоре при одном только воспоминании о своем глупом увлечении их охватывал смех. И Яна с Леной пересели на велосипеды и с удовольствием наматывали по городу километры. Им снова стало комфортно в общении друг с другом.

А вот Катюха присоединилась к их компании совершен-

но неожиданно, в ту пору, когда они с Ленкой в выпускном классе начали с увлечением любознательных исследовательниц посещать дискотеки и впервые, тайком от родителей, попробовали коктейль в баре. Незнакомая тогда им Катюха в тот вечер сидела рядом на высоком стуле у барной стойки и радостно заказывала у бармена коктейль за коктейлем:

– Ой, а что это такое голубенькое у вас в стакане? «Голубая лагуна»? Как красиво! Я хочу такой попробовать! – и она, получив заказ, зажмурившись от удовольствия, тянула напиток через трубочку и была похожа на маленькую экзотическую птичку. Когда она допила, то тут же открыла глаза, обвела стойку любопытным взглядом и снова обратилась к бармену: – А вот это что сейчас вы девушке отдали, зелененькое? Как вы сказали? «Изумрудный остров»? Ого! И мне такой же!

Она так увлеклась подобным изучением напитков, что девчонкам пришлось буквально спасать ее, уводить из того бара и приводить в чувство уже у Ленчика в квартире (к счастью, в ту ночь ее родителей не было дома). На следующее утро спасенная ими от алкогольного передоза Катюха ожила, окончательно пришла в себя и слезно пообещала, что больше никогда не выпьет ни капли. А также поклялась девчонкам в своей вечной дружбе. На всю жизнь! И постепенно, незаметно и ненавязчиво она приросла к их компании. С той ночи их стало трое.

Спустя некоторое время Яна и Ленчик уже не могли се-

бе представить, как это они раньше обходились без Катюхи? Она стала незаменимой и неотъемлемой частью их союза. Ее отсутствие сразу становилось заметным, потому что тут же исчезали смех, юмор, шутки и розыгрыши.

Правда, такое, чтобы Катюха выпадала из их троицы, случалось нечасто. Разве что если тетя Лида, ее мама (этакий домашний цербер), поручала ей какие-то дела, и тогда Катюха, выполняя их, застревала дома. У Кати не было отца, они жили с мамой вдвоем, и почему-то маме хотелось, чтобы дочь проводила с ней всё свое время. И не потому, что женщина болела или ей одной без дочери было скучно. О нет, ее мотивы были куда более драматичны! Оказывается, она боялась, что Катя познакомится с кем-то и, о ужас, уйдет из дома.

Тетя Лида постоянно повторяла Кате, как заученную мантру: «Вот влюбишься, выйдешь замуж, бросишь меня, и останусь я одна, никому не нужная». И не отпускала гулять, даже ремнем грозила. А потом, словно по щелчку, сразу начинала плакать, прижимая платок к глазам и хитро поглядывая на дочь поверх платочка. Это напоминало спектакль одного актера, вернее, актрисы, где Катя была единственным зрителем.

Катя, конечно же, маму слушалась, сочувствовала ей и старалась не огорчать, но и дома взаперти сидеть не хотела, превращаясь в такую Рапунцель без башни. И подругам стыдилась признаться, что она, как маленькая девочка, бо-

ится маминого гнева. Когда же в очередной раз она отказалась пойти с Яной и Леной в кино на вечерний сеанс, выдумывая шитый белыми нитками предлог, Яна пристально на нее посмотрела и выпалила: «Колись, в чем настоящая причина, почему ты нас избегаешь, словно мы заразные?» – и укоризненно покачала головой. А их Катя не выдержала своего вранья и от отчаяния рассказала подругам о проблемах с мамой.

Девчонки сразу же раскусили нехитрые тети Лидины уловки и с тех пор старались всячески помочь подруге в ее делах по дому, чтобы та поскорее освободилась из «домашнего рабства» и могла пойти вместе с ними в кино, на дискотеку или просто погулять по городу. Они с невозмутимым видом, шутливо изображая двух Золушек, заявляли тете Лиде: «Все ваши задания выполнены, крупу мы перебрали, розовые кусты полили. Ну как, теперь-то Катя может быть свободна или ей еще предстоит отполировать хрустальные туфельки?» Что маме оставалось делать? Конечно же, она сдавалась, словно крепость, осажденная веселым девичьим войском, а со временем и вовсе смирилась с Катиными отлучками из дому. И с тех пор, благодаря поддержке подруг, Катюха наконец-то обрела свободу и могла проводить время так, как ей хотелось, без маминых слезных спектаклей.

Их Катя – это вам не просто девушка, а яркая многогранная личность, хоть и замаскированная под ангела с картинки: миниатюрная, хрупкая, изящная блондинка с голубыми

глазами, похожими на кукольные. Но за ее ангельской внешностью скрывался настоящий вулкан страстей – хохотушки, заводилы, любительницы розыгрышей. И, конечно, ее внешность частенько играла с людьми злую шутку, заставляя их видеть то, чего там и близко не было. Или, наоборот, не видеть!

Но самое уморительное было то, чем она решила заняться! Окончила курсы продавцов и устроилась работать на городской рынок. И чем же, вы думаете, она решила осчастливить покупателей? Вы не поверите! Приготовьтесь! Катюха торговала... мясом! Да-да, вы не ослышались, самым настоящим мясом! Вот уж где жизнь любит подкидывать сюрпризы!

Естественно, все знатоки жизни и морали тут же закатали глаза: «Ну куда такой хрупкой фиалке на мясной рынок? Ей бы косметику или, на худой конец, кружевное белье продавать, кокетливо улыбаясь и ресницами хлопая!». Но стоило им увидеть Катю в деле, как все их снисходительные усмешки летели к чертям! Представьте картину: Катя с огромным топором в руке, которым она ловко, но с такой девичьей грацией, что позавидовал бы любой балетмейстер, легко и непринужденно рубит антрекот на деревянном пне. Впечатляющая картина маслом, точнее – мясом!

Вот только представьте: Катя, легкая, как пушинка, подлетает к огромной деревянной колоде. Одним изящным движением поднимает топор, который кажется в два раза больше

ее самой, и почти без замаха с силой обрушивает его на мясную тушу... Хрясь, хрясь... В результате получаются ровные, аккуратные кусочки. Дух захватывает! Это вам не бабочек ловить, это вам – искусство!

Покупатели, которые хотели купить у Кати свинину, замирали в изумлении. Видели бы вы их эмоции! Да они даже дышать боялись, глядя на этого удивительного продавца! Так и стояли, замерев и открыв рот. Кстати, многие приходили на рынок не столько за покупками, сколько полюбоваться ее изящной работой, но, засмотревшись, покупали по куску мяса. Никто не уходил от Кати с пустыми руками! А Катя, улыбаясь ангельской улыбкой, отправляла выручку в кассу. Ловкость рук и никакой магии!

Подруги признавали, что в торговле ей нет равных! Даже Яна, которая считала себя не менее продвинутой в продажах мужской одежды, смеялась и соглашалась с тем, что Катюха настоящая «мясная королева»! Такой была их третья подруга, которая с возрастом становилась ещё более красивой и привлекательной!

А вот Ленчик к своим нынешним «под тридцать» была полной противоположностью Кати – эдакая амазонка, но с душой бабочки. Высокая, с короткой стрижкой темных волос и глазами цвета самого вкусного шоколада, она всегда была одного роста с Яной. Но за последние годы Ленчик, видимо, решила, что быть просто высокой – это скучно, и «немного» прибавила в весе. Теперь, благодаря своей стат-

ности и аппетитности форм, она казалась прям-таки монументальнее! Но дружбе это ни капельки не мешало, скорее добавляло колорита. Да, их Ленка была фигурой заметной в широком смысле этого слова! К тому же, она считалась личностью известной, потому что работала медсестрой в городском родильном доме, но не просто медсестрой, а акушеркой.

«Акушеркой? Так просто!» – фыркните вы удивленно и снисходительно. А вот и не просто! Для всех будущих мам города она, наравне с врачами-гинекологами, была настоящим профессионалом, а еще божеством, доброй феей и, возможно, даже немного супергероем в белом халате. Каждая роженица мечтала, чтобы ее ребенка приняли именно руки Лены, крепкие, заботливые и, судя по всему, обладающие какой-то магией. И никто ни капельки не боялся ее громкого голоса и строгого взгляда, способного прожечь насквозь. Они-то знали, какая она на самом деле – безотказная и надежная, как швейцарские часы! И всегда готовая прийти на помощь.

Когда Лена шла по больничному коридору в своем белоснежном халате, то напоминала не ледокол, а скорее крейсер, рассекающий океан – мощный и непоколебимый. И хотя вид она имела грозный и воинственный, словно только что вернулась с поля боя за чье-то счастье, на самом деле была мягкой, нежной и впечатлительной, как котенок, которого только что погладили. Глядя на нее, трудно было поверить, что

такая глыба может чего-то или кого-то бояться. Но была у нее одна странность, вы ни за что не угадаете, какая! Только Яна и Катя знали правду: их Ленка стеснялась и боялась... мужчин! Просто до ужаса, до дрожи в коленках. Это была ее страшная тайна, которую она хранила от всего мира, кроме своих верных подруг.

Подруги тайком хихикали над такими ее глупыми страхами, но вслух не высказывались и всячески старались поддержать ее и подбодрить, особенно Яна. Ведь у каждого свои фобии и свои «тараканы». А чужих тараканов Яна уважала, потому что и к своим внутренним комплексам тоже требовала уважения. Хотя и не признавалась, что они у нее есть. Ей в глазах подруг хотелось выглядеть бесстрашной и уверенной, этакой «мисс-совершенство», без каких-то там психологических изъянов.

Девушки не раз пытались познакомить Лену с кем-нибудь из своих знакомых парней, но подруга в присутствии мужчин смущалась, становилась растерянной и неразговорчивой, и кавалеры сбегали от нее чуть ли не на следующий день.

– Ленчик, ну посмотри внимательней на парней и выбери себе самого лучшего из всех! – настаивали подруги.

– Идеального мужчины не существует! – категорически заявляла она. – Я за всю жизнь видела только одного, да и то в кино. Причем в конце фильма его убили.

– Ну можно ведь и не идеального, – шла на компромисс

Яна. – Пусть он и не будет красавцем, главное, чтобы надежным.

– Мужа нужно выбирать так, чтоб потом не было стыдно детям показывать, – не сдавалась Ленчик, сворачивая тему.

И что тут было возразить?

Несмотря на ее категоричность, Лену все очень любили и хотели с ней дружить. А Яна и Катя чуть-чуть жалели (Яна догадывалась, что, возможно, те неудачные занятия боксом в их юности сказались на психике подружки), но надеялись, что всё когда-нибудь обязательно изменится. Разумеется, в лучшую сторону. Однако пока всё оставалось по-прежнему – Лена мужчин обходила стороной. Яна подозревала, что их впечатлительная Ленка до сих пор краснеет от смущения, когда ставит укол симпатичному мужчине. Вот какой она была чувствительной и нежной барышней в их троице, в то время как Яна с Катей с лихвой компенсировали такую трепетность своими неугомонными и энергичными характерами.

Да, после слов Фила Яна с теплотой и нежностью подумала о своих подругах и сейчас невольно улыбнулась, представив своих девчонок, но, взглянув на Фила, она вдруг отчетливо вспомнила и всё остальное, и теперь события того девичника выстроились у нее перед глазами!

И сам вечер в ресторане, и тот скандал, и то, как она, разозлившись, рисовала губной помадой на зеркале в туалетной комнате. Она-то уже давно забыла о том случае и даже не предполагала, что он может вызвать чей-то интерес. Если бы

Фил не спросил, она бы и вовсе о том рисунке не вспомнила, но, как оказалось, пришлось. Вот только рассказывать Филу об этом почему-то не хотелось.

И в очередной раз Яна осознала, что в их троице девчонок-подруг она способна играть двойную роль – и защитника, и нападающего. Она может играть и на своем, и на чужом поле, может стоять в обороне, но может и атаковать. Главное – правильно определить для себя позицию.

Именно в таком качестве атакующей стороны Яна и хотела сейчас предстать перед Филом. Ведь лучшая защита – это нападение, и Яна была в этом убеждена, потому что, работая в магазине, где продают товары для мужчин, она часто становилась невольным свидетелем подобных мужских рассуждений. Так что сейчас она решила показать Филу, что она недовольна его любопытством, и слегка осадить его напор, потому что не до конца понимала, что именно его заинтересовало в том ее спонтанном рисунке. А когда Яна чего-то не понимала, ее это страшно злило.

И эта злость придала ей уверенности: да, она поделится с Филом информацией. А сама тем временем попытается разобраться в ситуации и понять, в чем была ее ошибка и что она сделала тогда не так. Ведь в тот вечер она хотела лишь помочь Катюхе. Но помогла ли? Тогда она об этом не задумалась, но сейчас она просто обязана стать аналитиком.

Эх, если бы она только знала, если бы только вспомнила, что многие знания – многие печали, то не стала бы копаться в

прошлом, ничего бы не рассказала Филу, а просто отправила бы его идти лесом, и сама покинула бы его дом. Да и оставила всё так, как есть, без лишних раздумий и самоанализа. Ведь прошлое остается в прошлом, и его уже не изменить. Оно было и прошло.

Но воспоминания уже были запущены, и колесо ее судьбы медленно, со скрипом начало поворачиваться...

Тот девичник и рисунок на зеркале

Май близился к концу и собирался вот-вот распахнуть свои невидимые двери лету, которое уже стояло на пороге и торопило весну исполнить свой прощальный аккорд. Последние весенние деньки, еще наполненные прохладой, уже переплетались с лучами жаркого солнца, создавая неповторимую атмосферу тепла, ожидания и восторга.

Яна любила весну, а особенно месяц май. То волшебное время, когда вокруг царит буйство зелени и цветов, от которого кружится голова. Поэты слагают весне стихи, музыканты сочиняют музыку, а для Яны май был словно разноцветной палитрой из незабудок, нарциссов и тюльпанов. А если к ним добавить сирень и рябину, чьи островки украшают город от центра до самых окраин? А если наполнить воздух ароматом цветов и свежескошенной травы, разбавить его пением и щебетом птиц, согреть теплыми и ласковыми лучами солнца? Да, можно с уверенностью сказать, что этот май – рай на земле, где сама природа исполняет волнующий и нежный весенний вальс перед страстным летним танго, наполняя мир красотой, яркостью и гармонией красок.

Неужели есть такие, кто не любит весну? Яна всегда удивлялась этому.

И Ленчик, и Катюха, и Яна обожали месяц май! Для них это был не просто месяц, а священный портал! Еще

со школьной поры, когда гормоны бушевали, а мозг требовал свободы, май ассоциировался у них с окончанием занятий, последним звонком и предвкушением чего-то настолько нового и светлого, что аж дух захватывало. Долой унылую школьную форму, эту смирительную рубашку юности! Прочь обязанности и обязательства, да здравствует беспечное, безбашенное лето!

Стоило только на календаре появиться 1 мая, у них словно включался режим веселья. Им хотелось шутить и дурачиться так, будто им снова по двенадцать. И они, не сговариваясь, начинали болтать фразами из мультиков, как будто это был их тайный пароль к счастью. Ленка с видом революционерки провозглашала: «Даешь свободу попугаям!» Катюха, поправляя несуществующую корону, вторила: «Лучший мой подарочек – это я!» А Янка, заливаясь смехом, вопила: «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро!» – намекая, что их утренние посиделки – это верх гениальности.

Вот и в этом году, когда за плечами уже не один десяток лет, на них, взрослых девушек, неожиданно нахлынула волна воспоминаний о юности, беззаботности и той самой первой, нелепой и прекрасной влюбленности. Накатило так, что хотелось плакать – то ли от безудержной радости, что они всё еще молоды, а впереди по-прежнему целая жизнь, то ли от щемящей грусти по тем временам, когда всё было намного проще и понятнее. Хотелось петь во весь голос, танцевать до упаду, смеяться и плакать одновременно, потому что это и

есть жизнь – такая же непредсказуемая и классная, как майская гроза.

– Весенний психоз! – притворно ворчала Ленка, шутливо ставя диагноз, когда выслушивала очередной «крик души» подруги, звонившей ей по телефону.

Каждая из них спешила признаться друг другу, что «ужас как хочется перемен в жизни!»

– И влюбиться! – добавляла Катюха, хлопая своими кукольными ресницами. Девушки согласно кивали ей в ответ.

– И определиться! – серьезно заявляла Яна, и с ней никто даже не спорил.

Иначе говоря, каждой хотелось чего-нибудь эдакого, что словами не передать! И поэтому подруги решили организовать символические проводы весны, а себе устроить настоящий праздник жизни. Почему бы и нет? Им по двадцать девять, они красивы, уверены в себе и независимы. У них масса достоинств, огромный запас оптимизма и юмора, и им не нужна большая компания – втроем им никогда не бывает скучно.

– Мы самодостаточные, – не уставала повторять Яна, предлагая подругам на этот раз заказать столик в итальянском кафе. – Самый подходящий возраст, чтобы потусить на свои, не зависеть ни от кого и хоть на один вечер отказаться от мужской помощи и участия.

Под помощью и участием имелось в виду, что ужин в кафе, куда девушки собирались отправиться только втроем,

они оплатят сами, без всяких обязательств перед мужчинами. Несомненно, мужчины нужны, их из жизни не вычеркнуть, и порой без них ну просто не обойтись, но не сегодня, нет! Девичник у них!

«Брысь все мужики!» – таков был их девиз на тот вечер.

Больше всех радовалась девичнику Ленка, она по-прежнему не жаловала мужчин.

А вот Катюха вначале слегка огорчилась и украдкой вздыхала: она накануне купила себе новое платье, и ей страсть как хотелось мужского внимания и комплиментов.

Одной Яне было все равно, потому что она неожиданно поссорилась с Гошей. «Нет, ничего серьезного, так, из-за ерунды», – успокаивала она подруг, но тем не менее на Гошку разозлилась, особенно на его необязательность (договорились встретиться после работы, а он элементарно... забыл. Ну разве мужчины так себя ведут?). Так что нынешний поход в кафе с девчонками был для нее спасением от маячившей на горизонте обиды на всех мужчин на свете.

Три подруги вошли в кафе и, весело переговариваясь, направились к своему столику. Три очаровательные девушки, такие разные и в то же время такие похожие в своей уверенности, были умело накрашены и стильно, со вкусом одеты. Своей походкой, осанкой и выражением глаз все трое излучали независимость и непринужденность. Возможно, как раз внешняя непохожесть и индивидуальность делала их ещё более привлекательными. И именно эта их уникальность вызы-

вала интерес и притягивала взгляды всех, кто уже находился в зале! И такое внимание ничуть не смущало подруг, они уже давно к этому привыкли.

В начале вечера в кафе всё шло прекрасно: и столик в уютном зале ресторана «Траттория» находился в комфортной зоне, и приветливый официант не докучал своим излишним и навязчивым вниманием, и белое полусухое вино было в меру холодным и терпким, и те блюда, которые они заказали, одним только видом вызывали аппетит, не говоря уже об их потрясающем вкусе. И даже то, что на их столе отсутствовало мясо, градус настроения им не понизило. Кстати, сегодня они, помимо пиццы, все трое заказали рыбу. И дело вовсе не в диете, а потому, что Катюха, не терпящим возражения голосом, сразу же заявила:

– Только никакого мяса! Я его на работе насмотрелась. Знаете, девчонки, я порой чувствую себя настоящим хищником. Нет и нет! Сегодня я хочу побыть девочкой-девочкой! – и она, захлопав своими кукольными ресницами, сложила руки перед собой, умоляюще глядя на подруг. В ее глазах тут же появились притворные слезы, которые грозились пролиться в любой момент, если подруги-обжоры ей вдруг вздумают отказать.

Услышав такое категоричное заявление от своей обычно спокойной и покладистой Катюхи, девушки дружно закивали, всем своим видом показывая, что «да, конечно же, нет и нет! Никакого мяса, только рыба!» Хотя в глубине души они

были огорчены таким началом вечера, потому что и Лена, и Яна настолько любили мясо в самых разных его вариантах приготовления, что обе мысленно даже застонали от своего добровольного отказа от него.

Яна сейчас с удовольствием съела бы огромный антрекот на косточке, сочный и прожарки медиум. А Лена была согласна даже на маленькую и тоненькую отбивную, спрятанную под слоем помидоров и сыра, лишь бы это было мясо, но... Нет так нет.

«Актриса!» – одновременно весело и беззлобно фыркнули они. Но чего не сделаешь ради любимой подруги? И разве это повод для ссор и обид? Вот еще! Поэтому, без лишних слов, все трое дружно уставились в меню, выбирая «не мясные» блюда на сегодняшний вечер.

Понемногу страсти вокруг мяса утихли, и девушки, перепробовав все блюда, которые они заказали на ужин в порыве вдохновения, подняли бокалы за уходящую весну. Затем последовали тосты за наступающее лето, за дружбу, за себя любимых, за любовь (при этом бокалы непременно нужно было держать в левой руке, что они с хохотом и проделали). И как неизбежность (как сказала Лена со вздохом, что, «к сожалению, без этого тоста не обойтись») – за мужчин. Конечно же, только за верных, щедрых и заботливых, веселых, умных, некурящих и непьющих, богатых и красивых. В общем, за настоящих мужчин!

За их столом не смолкали шутки и смех, им было весело и

вкусно. Неподалеку на импровизированной сцене юный диджей, словно волшебник, колдовал над аппаратурой, подбирая идеальную музыку. И вот уже зазвучали ретро-мелодии и песни на итальянском – такие чарующие, такие волнующие!

Девушки тут же оживились, а Катюха даже захлопала в ладоши. Все трое просто обожали итальянскую эстраду, особенно нестареющего Адриано Челентано, Тото Кутуньо, Пу-по и, конечно, зажигательных «Ricchi e Poveri» с их хитом «Mamma Maria». Подруги были настроены на настоящий праздник и были готовы танцевать хоть до утра, что они и сделали – для начала без передышки оттанцевали три танца подряд в кругу таких же любителей позажигать, что присоединились к ним на танцполе.

Разгоряченные, счастливые и немного запыхавшиеся, девушки вернулись к своему столику, чтобы перевести дух и освежиться бокалом холодного сока или вина. И тут, словно из ниоткуда, к ним подошел высокий парень и обратился к Катюхе:

– Котенок, ты, что ли?

Подруга с удивлением взглянула на молодого человека, всматриваясь и пытаясь понять, кто это. Вдруг ее глаза засияли, она радостно взвизгнула, подскочила и через мгновение оказалась в крепких объятиях подошедшего мужчины. Они смеялись, обнимались и одновременно восклицали, перебивая друг друга:

– Ух, какой ты стала красавицей, прямо принцесса из

сказки!

– О! Мак, привет! Откуда ты здесь? Ого, какой ты вымахал, прям гигант!

Когда их радостные возгласы немного утихли, Катя, сияя от счастья, повернулась к подругам и с улыбкой представила им своего давнего знакомого:

– Девочки, познакомьтесь, это Максим, то есть Мак, мой одноклассник. Он уехал после девятого класса, и с тех пор я его не видела. – Она взмахнула рукой и кокетливо добавила: – Моя первая любовь, между прочим!

Максим кивал, а сам с восторгом и нескрываемым обожанием смотрел на Катю, не сводя с нее глаз.

Лена и Яна, пораженные этой новостью, тут же заулыбались и стали приглашать парня присоединиться к ним за столом. Он сел, по-хозяйски оглядел стол, махнул рукой, подзывая официанта, и заказал бутылку шампанского и клубнику. Затем повернулся к Кате и, улыбаясь, сказал:

– Помнишь, как мы впервые попробовали шампанское с клубникой? Леха тогда нас к себе позвал, когда его родители на дачу уехали, и мы у него устроили вечеринку всем классом! И тоже итальянцев тогда слушали! Мм... – он мечтательно закатил глаза и радостно засмеялся: – Скажи, классное время было!

– Ещё бы не помню! Конечно, классное! – закивала Катюха.

В это время принесли заказ. Официант ловко открыл

шампанское и разлил вино по высоким бокалам. Максим поднял свой бокал и произнес тост:

– За прекрасных девушек!

После того, как все дружно выпили, он снова повернулся к Кате, засыпая ее вопросами:

– Ну, рассказывай, одноклассница, как там твоя жизнь-малина, как сама-то?

Катя, словно сбросив десяток лет и превратившись в юную школьницу, коротко ответила, что у нее все «тип-топ», и тут же, заливаясь смехом, с гордостью призналась: работает на рынке, торгует мясом! Максим от неожиданности подавился воздухом, но тут же радостно расхохотался, и так громко, что, казалось, зазвенели стекла.

– Ну ты даешь, котенок! – пробасил он. – Всегда была самой оригинальной девчонкой в классе! – и одобрительно похлопал Катю по руке.

Мак тут же приступил к своей саге о жизни и работе в Норильске. Хвастливо, с блеском в глазах поведал, что «пахал как раб» и «сколотил уже не один миллион». Поэтому, мол, и не баловал свой родной город своим присутствием уже десять лет. Вдыхая, парень, словно герой трагедии, рассказал, что «страшно скучал по дому» и вот, наконец, вырвался на целую неделю, чтобы осчастливить своих родителей и познакомить их со своей «невестой», которую привез на смотрины.

– Ну, типа, невестой, – с ехидной усмешкой уточнил он. А

заметив, как Катя слегка поникла, шутливо добавил: – Может, мои родаки ее еще и не одобряют! – и тут же, словно вспомнив о чем-то важном, ласково, почти мурлыча, спросил: – А ты, котенок, замужем или как?

– Или как, – ответила Катя, стараясь говорить весело, но Яна, словно рентген, уловила промелькнувшую в ее глазах тень печали.

– А почему? – весело и беззаботно уточнил Мак, не замечая ее грусти.

– Тебя ждала, – ответила Катя с вызовом.

– Вот как?! Прикольно! Обсудим, котенок! – улыбнулся он, прищурился и внимательно на нее посмотрел. Положив руку ей на плечо, он слегка, но настойчиво, по-хозяйски, притянул ее к себе.

– Что ты там собираешься обсуждать с этой лахудрой? – внезапно раздался голос за спиной у девушек, и Лена с Яной одновременно обернулись.

У столика стояла невысокая девушка с белыми волосами, густо накрашенными ресницами и ярко-красной помадой на губах. Девушка была фигуристой, слегка полноватой, с пышной грудью и крутыми бедрами, и одета в облегающее короткое платье, которое подчеркивало все изгибы ее тела. Возможно, она бы выглядела привлекательно, если бы не злое и почти яростное выражение ее лица. Она стояла, уперев руки в бока, и, сощулив глаза, с ненавистью смотрела на Максима и Катю, ожидая ответа.

– Да вот, однокласснику встретил... – начал пояснять Максим. И тут же добавил, поднимаясь со стула. – Садись к нам, Лора, познакомься! Это Лена, это Яна, – указал он поочередно на девушек, – а это Катюха, моя одноклассница.

Девушка не сдвинулась с места и даже не взглянула на Лену с Яной. Она не сводила глаз с Кати и Максима, сверля их своими злыми глазами. Ее губы скривились в злобной ухмылке, и Максим неожиданно почему-то начал оправдываться и за чем-то добавил:

– Она мясо продает.

Лора с презрением всплеснула руками, хохотнула и язвительно процедила:

– Ой-ой, посмотрите-ка на нее, мясная принцесса. Мясо продаешь? Наверное, с топором стоишь?

При этих словах подруги вздрогнули, а Катя побледнела.

– Фу, как стремно, – продолжала Лора, сморщив нос: – от тебя, поди, кровищей за километр несет, а ты тут приличную из себя строишь.

Девушка не говорила, а будто выплевывала оскорбления. Она заметила, что Катюха то бледнеет, то краснеет, и это ее лишь подстегнуло. Она тут же хмыкнула и, сама того не подозревая, попала Кате в самое болезненное место. Лора всё больше распалялась, и ее слова становились всё более жесткими и обидными. В конце своей тирады она ткнула пальцем с длинным ногтем, покрытым кроваво-красным лаком, чуть ли не в лицо Кате и выкрикнула:

– Вот и сиди в своем скотобойнике, уродина! И чужих женихов не отбивай! Не высовывайся, поняла?

Затем она перевела взгляд на Максима и повелительно скомандовала:

– А ты встал и идешь за мной!

После этого она презрительно скривилась, резко развернулась и, вызываяще покачивая бедрами и громко стуча каблуками, направилась к выходу. Парень же внезапно сник, изменился в лице, отпрянул от Катюхи, что-то невнятное пробормотал и поспешил за своей «типа невестой». Куда девалась его веселость и мужская уверенность, которые он демонстрировал всего минуту назад?

Подруги были поражены поведением незнакомой Лоры, и в первые секунды никто из них не проронил ни слова. Сцена, которую они только что наблюдали, была настолько неприятной, что вызвала у них шок. Особенно их расстроило, как быстро Макс изменил свое отношение к Кате и превратился из весельчака-кавалера в «смелого» подкаблучника.

«Не попытался успокоить Катю, не защитил ее от своей знакомой. Даже не извинился! Мужик, твою мать!» – одновременно раздраженно подумали Яна и Лена.

В тишине кафе вдруг раздались громкие голоса: кто-то смеялся, кто-то возмущался, но девушки не обращали на это внимания. Они даже потеряли интерес к парню – такие трусливые мужики не вызывали у них уважения. Их волновал только поступок незнакомой Лоры, и они не могли оста-

вить без ответа оскорбление, нанесенное их подруге. Девушки быстро пришли в себя и, гневно качая головами, вскочили со своих мест. Они были готовы тут же броситься за обидчицей, но сначала повернулись к Кате, как бы спрашивая и советуясь: «Что будем делать с этой чокнутой?»

Катя на их взгляды не отреагировала. Она сидела с широко распахнутыми глазами, которые и без того были немаленькими, а теперь же казалось, что заняли половину ее лица. Обычно бойкая и говорливая, сейчас она не произнесла ни слова и даже не пошевелилась, словно окаменела после того, что услышала от невесты Макса.

Яна тронула ее за плечо и сказала:

– Эй, Катюх, ты чего? Отомри. Мы сейчас разберемся с этой Лорой, и...

Но не успела она договорить, как Катя внезапно всхлипнула, будто вскрикнула, резко поднялась и, схватив свою сумочку, бросилась в туалетную комнату.

Яна на ходу крикнула Лене:

– Жди меня здесь, никуда не ходи без меня, поняла? Я за Катюхой, – и рванула следом.

Когда Яна вбежала в туалет, то увидела подругу, которая стояла, опираясь руками на раковину, и, приблизив лицо к зеркалу, пристально рассматривала свое отражение. Яна в испуге бросилась к ней, ожидая, что у их впечатлительной Кати сейчас начнется истерика и ее нужно будет успокаивать. Но, рассмотрев в зеркале лицо подруги, Яна ахнула: их

веселая и жизнерадостная Катя не рыдала и не причитала и даже головой об это зеркало не билась. Хотя, если честно, то Яне хотелось бы, чтобы подруга даже что-нибудь разбила или поревела бы в голос. Взяла бы вот таким образом, да и выплеснула весь стресс напрочь. Однако нет.

Катя смотрела на свое отражение с улыбкой обреченного и приговоренного к смерти. Из ее глаз катились слезы и капали в раковину, словно в ее голове кто-то открыл два крана отчаяния. А Катя, не замечая этого, тихо и утвердительно, как заевшая пластинка, повторяла:

– Я уродина, уродина, уродина...

– Да не слушай ты этих дур! – воскликнула Яна.

Она бросилась к подруге, готовая обнять и утешить, но та вдруг яростно замотала головой, шмыгнула носом и с неожиданной решимостью (откуда только в ней, худенькой и миниатюрной, взялось столько силы?) отстранила Яну. А сама отскочила в сторону, извлекла из сумочки губную помаду и, впившись взглядом в зеркало, принялась тщательно красить губы.

Ярко-красная помада совершенно не вязалась с Катиным обликом. Она не украшала, а скорее портила, но Катя, находясь в своем, искаженном мире, этого словно не замечала. Нанеся помаду, она тут же достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку и неумело закурила.

Неловко держа это «орудие бунта» в дрожащих пальцах, Катюха, ссутулившись и покачиваясь на высоких каблуках,

шумно выдыхала дым и с отсутствующим видом смотрела куда-то вдаль, за пределы реальности. Красивое платье и модные туфли на шпильке – всё это превратилось в нелепый костюм. Вместо уверенной в себе девушки перед зеркалом стояла растерянная школьница, которая тайком, на перемене, впервые осмелилась накрасить губы и закурить, пытаясь казаться взрослее.

«Вот это номер! – пронеслось в голове у Яны. – Наша Катюха с катушек слетела? Никогда же не курила!» Такой свою подругу она видела впервые. Эта внезапная трансформация Кати была настолько шокирующей, что Яна почувствовала, как и в ней самой что-то изменилось, словно она тоже прикоснулась к этой запретной грани.

Ей вдруг вспомнилось, как она, девятнадцатилетняя девушка, рыдала в туалете ночного клуба в Москве, узнав о том, что у ее парня появилась другая. И очень хотела умереть прямо там, в тесной и унылой комнате. Вот только не знала, как это сделать. Как же ей тогда было страшно и одиноко... И как какая-то незнакомка, курившая тогда в том туалете, пьяно хмыкнула и с безразличным видом молча протянула ей фляжку с коньяком и зажженную сигарету. Таким вот образом пыталась успокоить. А всего-то и нужно было, просто выслушать, поговорить...

Сейчас, вспоминая тот вечер, Яна почувствовала тошноту. Она ведь тогда действительно была близка к тому, чтобы умереть с горя. И в тот момент рядом не было никого, кто

мог бы ее остановить и успокоить по-настоящему. В Москве у Яны не было подруг, но сейчас-то Катя не одинока, у нее есть и Яна, и Ленка, которая сидит сейчас одна и переживает. И с нетерпением ждет, когда они обе вернутся и вместе решат, как наказать эту наглую девицу. Да, они обязательно это сделают потом, но сейчас нужно срочно отвлечь Катю и вытащить ее из этого странного состояния.

Яна еще не знала, с чего начать терапию, когда ее взгляд скользнул по тюбику губной помады, сиротливо валявшемуся на раковине. Ого! Аккуратистка Катя, во всем любившая немецкий порядок, даже крышку не закрыла! Всё ясно: подруга не просто расстроена – она выбита из колеи. И виной всему, конечно же, эта психованная Лора!

Яна вдруг почувствовала, что в ней, как вулкан перед извержением, закипает праведный гнев. Эта «невеста» Максима, свалившаяся на их головы, как снег в июле, умудрилась испортить такой чудесный вечер, что хоть плачь, хоть смейся. Перед глазами снова возникло это надменное личико, в ушах зазвенели ее ядовитые слова, которыми она, не моргнув глазом, обвиняла Катю в смертных грехах, которых та и в помине не совершала. А еще называла уродиной. Их Катьюшка, их красавица, чья улыбка могла растопить айсберг – уродина? Да у этой Лоры, похоже, не только совесть, но и зрение напрочь отшибло!

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, Яна потянулась к тюбику. Схватив его, словно волшебную палочку, она

поднесла его к зеркалу и несколькими дерзкими штрихами, словно художник-экспрессионист, изобразила злобную гримасу Лоры. Получилось настолько похоже, настолько узнаваемо, что Яна сама вздрогнула – да она, оказывается, Пикассо в душе, раз умеет так рисовать! Ого... Рука дрогнула, и на зеркале появилась изогнутая линия. Яна, уже войдя во вкус, добавила еще несколько штрихов, рисуя шею, руки и грудь этой незнакомки. Лора...

Фу, какая же она отвратительная, мерзкая и злобная! Вот кто настоящая уродина, а не их Катюха. И Яна сейчас это докажет, наглядно, так сказать, продемонстрирует. Она еще раз взглянула на нарисованное лицо, готовясь к финальному штриху, и... вдруг отпрянула от зеркала, словно ужаленная. Ей показалось... Нет! Не показалось. Нарисованный глаз подмигнул ей! Что?! Такого просто не может быть! Черт знает что! Да это просто нервы, померещилось от переживания.

Внезапно Яна почувствовала странную дрожь во всем теле. Руку словно пронзили тысячи иголок, а по спине, как скользкий червяк, медленно поползла струйка холодного пота. Она крепко зажмурилась, пытаясь стереть из памяти жуткую реальность, а когда вновь открыла глаза, то чуть не подпрыгнула на месте: на нарисованном лице вдруг появилась улыбка. Да не просто улыбка, а такая, будто изображенная девица издевательски усмехнулась.

«Вот это да, – словно эхо в пустой бочке пронеслось в го-

лове у Яны. – Господи, ну и денек. Уже и мне мерещится всякая чертовщина». Голова вдруг взбунтовалась, закружилась, заныла, как старый зуб. Повернувшись к подруге, Яна решила, что это всё от сигаретного дыма. «Ну конечно! Эта глупая девчонка продолжает курить, вон уже вторую сигарету начала, дымит как паровоз, дурында».

– Катька, ну-ка прекрати! – голос Яны прозвучал резко, как удар хлыста. – Тебе это совсем не идет, – она требовательно протянула руку: – Давай сюда свою сигарету.

Ни Яна, ни Лена никогда раньше так к подруге не обращались. «Катька»? Да это же звучало как ругательство! Причем между собой они могли быть Ленкой и Янкой – это для них было привычно, как старые тапки, выглядело по-дружески, без тени грубости. Но вот свою нежную и романтическую подругу, эту хрупкую барышню, они, не сговариваясь, всегда оберегали от грубых слов и называли исключительно Катюшкой или Катюней. И тут вдруг «Катька»... Мир явно сошел с ума.

Катя давно привыкла к таким ласковым прозвищам, они слились с ней, и она даже не замечала, как ее называют. Но вот так – «Катька» – подруги никогда не говорили. Собственное имя, прозвучавшее чуждо и непривычно, резануло слух, словно осколок льда. Она настолько растерялась, что даже мгновенно протрезвела и поняла: Яна по-настоящему, всерьез рассержена. Катя наморщила лоб, поморгала длинными ресницами, пытаясь найти слова, но поперхнулась дымом и

послушно протянула Яне дымящуюся сигарету.

– Мы найдем ей другое применение, – гневно прошипела Яна, выхватила сигарету из ослабевших пальцев подруги и поднесла ее к рисунку, только что появившемуся на зеркале. Морщась от пульсирующей головной боли, она ткнула тлеющим кончиком сигареты в самый центр изображения и вскрикнула: – Гори оно всё огнем!

Катя испуганно отшатнулась: Яна была не просто сердита – она пылала яростью, обжигающей, дикой! Лицо ее побледнело, губы изогнулись в зловещей улыбке, а глаза лихорадочно блеснули. Растрепанные волосы выбились из прически и растрепались, придавая ей вид то ли ведьмы, творящей заклятье, то ли сумасшедшей, потерявшей связь с реальностью. Казалось, погруженная в свои мысли, она не замечала никого и ничего вокруг. Но при этом продолжала с неистовой силой давить сигаретой на зеркало, словно перед ней был не эфемерный образ Лоры, а ее живой, реальный враг. Давила и приговаривала:

– На, на, получай!

От ее прикосновений изображение Лоры начало расплываться, таять, стекая вниз алыми потеками, очень похожими на свежую кровь.

Катя замерла, словно каменное изваяние, и, охваченная ужасом, не сводила глаз с подруги, которую никогда прежде такой не видела. Яна манипулировала сигаретой, словно проводила зловещий ритуал или заклинание. Зрелище жуткое и

пугающее до отвращения. Катя не боялась вида крови – на работе она видела ее часто и к ней привыкла, но сейчас не могла подавить дрожь. Первобытный страх пронизывал ее до костей, как будто она стала свидетелем древнего темного обряда. Она дрожала, но не могла отвести взгляд от кровавого рисунка на зеркале.

Кусая губы до боли, Катя наблюдала, как подруга расправляется с обидчицей, и чувствовала, как постепенно оживает, а ее сердце начинает биться ровнее, в новом ритме надежды. «Я не одна, за меня есть кому заступиться», – пронеслась спасительная мысль, и она ощутила, как к ней возвращается уверенность. Катя невольно сравнила себя с человеком, приговоренным к смерти, которому вдруг в последний момент сообщили, что приговор отменен. И снова можно жить, дышать полной грудью, чувствовать вкус свободы. И всё это – благодаря Яне, ее ангелу-мстителю.

Время, до этого будто застывшее на месте, теперь понемногу начало ускоряться и стремительно понеслось вперед. И Катя, словно вырвавшись из оцепенения, покачнувшись, с трудом проглотила образовавшийся в горле комок и сделала шаг к подруге. Схватив ее за руку, она прошептала, как маленькая девочка:

– Я больше не буду. Яночка, всё, всё, хватит. Пойдем к Лене.

Теперь «ожившая» Катя уже сама была готова утешать Яну. Она шептала ей слова поддержки, успокаивая и помо-

гая ей прийти в себя.

Яна, чувствуя подкатывающую тошноту, слабо позволила Кате обнять себя. Вместе они медленно вышли из туалетной комнаты и, опираясь друг на друга, вернулись в зал кафе.

Лена, заметив двух покачивающихся подруг, идущих в обнимку по залу, испуганно вскрикнула. Их вид был настолько странным и тревожным, что сердце у нее екнуло. Да и как тут не испугаться? Яна бледная, как призрак, а Катюха зареванная, с размазанной ярко-красной помадой. Та еще картина...

«Ну и ну...» – вырвалось у Лены, и она, резко вскакивая, подбежала к ним, взмахивая руками.

– Что, что?! – срывающимся голосом, нервно спрашивала она, повторяя, как попугай, и переводя взгляд с одной на другую.

Но девчонки молчали. Лишь Яна, подойдя к столу, залпом выпила стакан минералки, а потом взяла со стола салфетку и протянула Кате. Та, понимаяюще кивнув, тут же начала аккуратно вытирать губы, на которых красовалась эта ужасная помада. Потом виновато посмотрела сначала на Яну, потом на Лену, криво улыбнулась, жалостно вздохнула и потянула руки к подругам:

– Девчонки...

В ответ девушки эхом повторили ее вздох, подошли ближе, обнялись крепко-крепко и, не обращая внимания на любопытные взгляды окружающих, начали шептать друг другу как заклинание: «Всё будет хорошо... Всё будет хорошо».

Как же им троим хотелось в это верить!

Когда немного пришли в себя, они вернулись к столику, чтобы срочно обсудить и разобраться с тем, что случилось – такое нельзя было оставлять без ответа. Вот нельзя и всё!

– Будут тут всякие залетные местных обижать! – воскликнула Ленка, голос которой дрожал от возмущения, а глаза сверкали от негодования.

– Да... – робко кивнула Катя, и на ее лице появилась растерянная, но решительная улыбка.

– Ну что, Ленок, вспомним молодость и помашем кулаками? – попыталась пошутить Яна, вспоминая их занятия в секции бокса.

– Да легко! – отозвалась сердитая Ленка.

Яна уже собиралась сказать что-то столь же гневное, как в это время раздались крики. Они доносились с улицы, у входа в ресторан, и были такими громкими и пугающими, словно там кого-то убивали или вовсе уже убили.

Ох и суматоха же началась! Посетители кафе вскочили со своих мест и, словно стадо испуганных оленей, рванули к выходу, а вслед за ними, подхваченные общей паникой, бежали и девушки. И то, что они увидели, повергло их в шок: у небольшого фонтанчика, чье мелодичное журчание воды теперь казалось издевательским, корчилась женская фигура, а ее одежда... горела и дымилась.

Пространство вокруг наполнилось визгами и воплями. Бедняга закрывала руками лицо и вертелась на месте, как

юла. Какой-то мужчина стаскивал с себя рубашку, чтобы набросить на женщину. Люди вокруг, размахивая руками, пытались потушить огонь, но все они не столько помогали, сколько мешали – их энтузиазм был столь же эффективен, как попытка остановить цунами зонтиком. Наконец кто-то, видимо, обладающий остатками здравого смысла, подтолкнул несчастную к фонтану и с грохотом столкнул ее в воду, что позволило наконец-то погасить огонь. Когда подруги добрались к эпицентру хаоса, «представление» уже закончилось.

Встав на цыпочки, они пытались заглянуть поверх голов, чтобы увидеть, кто же стал звездой этого огненного шоу. И ахнули: на дне фонтана, посреди лужицы воды, скорчившись, полулежала та, кто так незаслуженно и по-хамски испортила им сегодняшний вечер, – Лора, «типа невеста» Максима. Она скулила и стонала, ее вид был одновременно жалким и отвратительным. От былой красоты и пафоса не осталось и следа. Белоснежные когда-то волосы теперь превратились в грязную дымящуюся паклю, а вместо красивого платья – черные обугленные лохмотья.

«Ну и страшилище!» – пронеслось по толпе.

Вскоре, словно по волшебству, появилась скорая помощь – спасибо, хоть кто-то не потерял голову в этом бедламе и сообразил ее вызвать. Пострадавшую, завернутую в голубую простыню, осторожно уложили на носилки, погрузили в машину и увезли в больницу. Максим отправился вместе с ней.

Никто толком не мог объяснить, что же произошло на самом деле. Говорили, что на девушке вдруг сама собой внезапно загорелась одежда. Никто не мог понять, отчего это случилось, но все в один голос утверждали, что это не поджог, потому что рядом с ней никого не было, а парень, который шел за ней, услышав ее крик, подбежал уже позже. Некоторые считали, что в нее ударила молния, кто-то уверял, что она пострадала от электрического тока, а третьи предполагали сглаз, мистику и колдовство. Версии рождались как снежная лавина, но ни на одной из них так и не остановились.

Любопытные и зеваки, бурно обсуждая произошедшее, постепенно расходились: кто-то возвращался в зал кафе, кто-то спешил покинуть ресторан. Одни всхлипывали, другие ругались, третьи торопились выложить снятое видео в интернет – все были заняты и очень взволнованы.

Невиданное зрелище потрясло их город: на глазах у изумленных свидетелей на человеке вспыхнула одежда, словно по волшебству, ни с того ни с сего!

Так и не поняв, что, собственно, произошло, Яна, Лена и Катя переглянулись, пожали плечами, взмахнули руками и ошеломленные вернулись в кафе. Им срочно требовалось выпить и снять стресс. Прямо-таки немедленно! Что там говорить, несучный у них получился девичник. Девчонки были потрясены. Внутри них бушевали эмоции: жгучая злость и презрение к бесцеремонной Лоре переплетались с жалостью и искренним женским сочувствием к этой незнакомой

девице, пострадавшей невесте от чего.

Единственное, что их радовало, так это то, что возмездие свершилось само собой, без их прямого участия. Катюха была отомщена – с божьей ли помощью или с участием каких-то иных сил, это уже не имело значения. Главное, справедливость восторжествовала! Девушки даже позволили себе выпить за это! Хотя всякое желание праздновать и веселиться испарилось без следа. «Как можно смеяться, когда у кого-то такое горе?» – думала каждая, и вскоре, повздыхав, они вызвали такси и разъехались по домам.

В мире существует множество загадочных и непонятных явлений, которые не всегда сразу находят объяснение. Многие предпочитают отложить поиск ответов на потом, оставляя их на завтра, надеясь, что утро вечера мудренее. Девушки, уставшие от пережитого, решили поступить так же.

На следующий день их город гудел, словно встревоженный улей, наполненный шепотом слухов и роем домыслов. Все обсуждали странное загадочное происшествие. На просторах интернета разгорались жаркие споры, и версии случившегося были от самых обыденных до совершенно фантастических. Подруги старались держаться в стороне и не участвовать в обсуждениях. Им хватило вчерашних потрясений, да и не хотелось привлекать к себе внимание любопытных горожан.

Яна вспомнила, как ее бабушка часто повторяла: «Любая новость живет три дня, пока не появится новая». Так и вы-

шло: сначала подруги обсуждали между собой тот вечер, делились впечатлениями, а потом просто забыли о Максе и о его Лоре, которых больше никто из троих не видел. Возможно, Лора уже залечила свои телесные раны, и они оба уехали из города.

«Ну и хорошо!» – подумала Яна, которая так и не призналась девчонкам, что после того вечера ей ночью стало ужасно плохо – кружилась голова, сердце колотилось как сумасшедшее, и потом весь день клонило в сон. Но Яна списала свое состояние на стресс или на то, что она чем-то отравилась в кафе. «Всё пройдет», – успокоила она себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.